

1.

2.

3.

4.

5.

Н. УШАКОВ

ВСТРЕЧА

Самолеты шумят,
 улетаю
 к нашим братьям, в родные края...
 Украина моя золотая!
 Беларусь голубая моя!
 Ваши нивы,
 и пуши,
 и реки,
 и высокое небо вода
 со свободой, добытой навеки,
 заключили союз
 навсегда.
 Мы встречаемся, сестры и братья,
 на одном,
 на своем берегу,
 и горячее рукопожатья
 не расщепь
 никакому врагу.
 Наши песни свободные с нами,
 наши сестры и братья сошлись
 под расшитое золотом знамя,
 прочтут живые пламенем
 высь.

На снимках: 1 и 2. Доблестные части Красной Армии вступают в город Раков (бывшая Белоруссия). Жители радостно встречают освободителей.

3. Приветственные возгласы долго несутся вслед самолету советских танкистов (район Гродно).

4. Самолет доставил «Правду». Рабочие кирпичного завода в городе Ровно с интересом читают газету.

5. Личный митинг... Командиры Красной Армии лужески беседуют с крестьянами Западной Украины.

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический
иллюстрированный журнал ЦК и МК ВЛКСМ
Год издания XVI № 10 октября 1939 г.

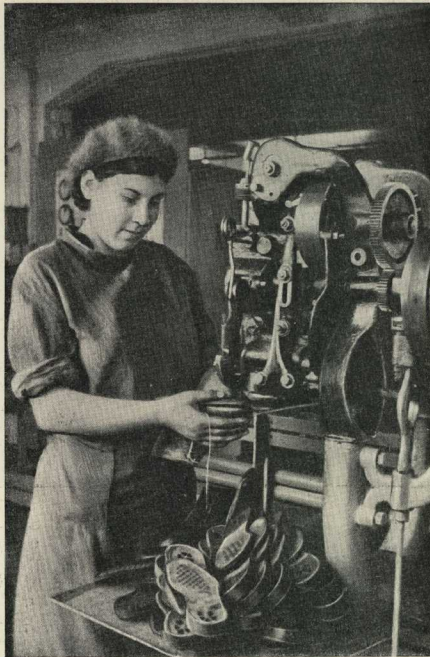
В НОМЕРЕ:

- РОДИНА СЧАСТЬЯ (передовая).
Н. УШАКОВ — Встреча (стихи).
Е. ШВЕЛЕВА — Гордость (стихи).
А. ТВАРДОВСКИЙ — Их было трое (стихи).
АРК. ПЕРВЕНЦЕВ — Вязки Ростова (отрывок
из повести).
Э. КРЕНКЕЛЬ, Герой Советского Союза —
Страницы из дневника.
К. ИСАЕВ — Акмолинск-Карталы (очерк).
И. ЛЕЖНЕВ — Великий человек (статья).
М. ЛЕРМОНТОВ — Кавказ, Новгород, Элизия
(стихи).
Проф. Д. БЛАГОЙ — Лермонтов и Пушкин
(статья).
КОСТА ХЕТАГУРОВ — Мать сирот, Завещание
(стихи).
С. НАРИНЬЯНИ — Честное слово (фельетон).
П.Л. ИППОЛИТОВ — Чемпион семи дистанций
(очерк).
А. АМАСОВИЧ — Так создается фильм (очерк).

Рисунки Г. Балашова. Фото Н. Волкова.

На обложке: Комсомолец-планиристка Л. Велькосельцева. Фото М. Розенбаума.

На обороте обложки: У входа на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. Скульптура В. Мухиной. Фото А. Гарашина.

В дни, когда славная Красная Армия, выполняя великую освободительную задачу, вела под свое знамя жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии, советский народ в едином порыве направил свои усилия на укрепление оборонной мощи родины.

Следуя призыву товарища Молотова честно и самоотверженно трудиться на своем посту, советские люди продемонстрировали перед всем миром трудовую доблесть, трудовую отвагу. По инициативе рабочих Уралмашзавода имени Серго Орджоникидзе и харьковского завода имени Молотова широко развернулось движение многостаночников. Стахановцы переходят на обслуживание нескольких станков. Не так давно 179 стахановцев завода «Фрезер» стали работать на 990 станках.

1 октября в «Правде» было опубликовано письмо коллектива работников завода «Красный пролетарий» ко всем рабочим и работникам, колхозникам и колхозницам, служащим и интеллигенции нашей великой родины. Краснопролетарии обратились с призывом ознаменовать приближающуюся XXII годовщину Великой Октябрьской социалистической революции новыми победами, достойными доблестной Красной Армии, нашей великой партии Ленина — Сталина.

Обращение краснопролетарцев вызвало одобрение всей страны. Сотни заводов, колхозов, совхозов включились в могучее предоктябрьское соревнование. Все больше машин слодят с конвейеров заводов, больше металла луют дома и мастерские, больше угля выдают шахты, больше обуви и тканей выпускают предприятия легкой промышленности. Крепнут хозяйственное могущество, оборонная мощь нашей родины!

Молодых патриотов Советской страны можно встретить в первых рядах стахановско-многостаночников, инициаторов предоктябрьского соревнования.

Советские женщины успешно осваивают профессии, где еще совсем недавно применялся только мужской труд.

На нашем снимке: стахановка первого ношеновского цеха минской обувной фабрики имени Кагановича комсомолка З. Желтова. Она прекрасно освоила процесс накладки подошвы. Еще недавно эту работу выполняли только мужчины.

«ЛЕНИН И СТАЛИН
ЗА БЕСЕДОЙ». С кар-
тины Шостаковича.

«НЕЗАБЫВАЕМОЕ»
(руководители партии и
правительства в президи-
уме совещания объеди-
ственников тяжелой про-
мышленности в Кремле).
С картины Ефанова.

ГОРДОСТЬ

Клонились ветви, повинуясь силе
Ветров, стремящихся от звезд и до морей.
Казалось, ветры всюду доносили
Большую правду роным моём.
Казалось, будто раздвигались дали.
Простой сентябрьский день забыть нельзя.
Случайные проложе стояли
Пачем к плечу, как старые друзья,
И вдали...

Да, вдали мы ясно
Темень рек, поля, граниту ту,
Народы раздвигавшую напролом,
Искусственную, мерную черту.

Минуты шли.

И раздвигались дали.
На запад направились лозы.
Товарищей своих мы провожали...
Их планы их вложения мы тогда
Окрепшую за годы дружбы нашу
Она проходила через рубежи.
Народ поднимет праздничную шагу
За эту дружбу, за любовь, за жизнь.
Встречают их в языки пожарни —
Улыбки радости, биевые сердца...
Не скрою: я горжусь, что мой товарищ
Великой Красной Армии боец.

РОДИНА СЛАСЬЯ

Двадцать два года тому назад в суровую октябрьскую ночь легендарный крейсер «Арвар» проломил свои оруди, направленных на Зимний дворец, возвести начало новой эры в истории человечества.

Великая Октябрьская социалистическая революция прорвала фронт мирового империализма, отобрала оруди и средства производства у капиталистов и помещиков и превратила эти оруди и средства производства в общественную собственность, вырвала власть из рук буржуазии и передала ее советам — органам пролетарской диктатуры.

Первая в мире Советская республика возникла в разгаре империалистической войны, которая погубила миллионы человеческих жизней. Народы мира изнаменовали под бременем войны, которая была выгодна лишь капиталистам. И первым же актом победившей социалистической революции был декрет о мире, принятый ночью 29 октября (8 ноября) 1917 года II съездом Советов.

Ленинско-сталинская политика мира, провозглашенная в первый же день существования советской власти, стала niezbывшим законом социалистического государства.

За 22 года советской власти народы нашей великой родины, мирно труждаясь, не только создали прочную экономическую базу для нового, социалистического общества, но и построили это общество.

Наша страна вступила в период перехода от социализма к коммунизму, 170-миллионный народ успешно выполняет исторические задачи, поставленные XVIII съездом ВКП(б).

СССР стал страной самой передовой техники, страной высокой культуры. За три четверти нынешнего года социалистическая индустрия СССР дала больше продукции, чем вся промышленность царской России за предельно короткий лет. Потит 7 миллиардов пудов хлеба снимает ежегодно с полей колхозов и совхозов ударники социалистического земледелия. Растет изобилие продуктов. «Наша страна обеспечена всем необходимым...» (Молотов).

В своем кини XXII годовщины Великой Октябрьской социалистической революции советские люди представляли всему миру новые свидетельства своей неизменной творческой энергии. Это Весенняя сельскохозяйственная выставка — итог социалистического преобразования советской деревни. Это ставшая всемирно известной выгода большого Ферганского канала — показатель творческого народного энтузиазма. Это оживленная деловая подготовка к выборам в местные Советы депутатов трудящихся — действительное осуществление Сталинской Конституции.

Величие мирной творческой деятельности советского народа особенно наглядно представляется трудящимся капиталистического мира в тросные дни 1939 года, когда выдвинулся злобное пламя второй империалистической войны. В эти дни трудящиеся человечеством с особой любовью и надеждой смотрит на величественное здание социализма, воздвигнутое на советской земле.

Поджигатели войны из лагеря англо-французских империалистов всащся пытались втянуть СССР в войну, столкнуть лагерь СССР и Германии. Но советское правительство, верное ленинско-сталинской политике мира, отпрянуло все замесам поджигателей войны.

Советское правительство, возглавляемое товарищем Молотовым, выполняя волю своего народа и защищая его интересы, неуклонно проводило политику мира, договор о дружбе и границе между СССР и Германией, пакт о взаимопомощи и торговое соглашение с Эстонской республикой, пакт о взаимопомощи с Латвийской республикой, договор о передаче Литовской республики города Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой — все эти документи говорят о сталинской мудрости и последовательности политики советского правительства и коммунистической партии. Весь народ, трудящиеся не только нашей страны, но и всего мира гордятся одобряют эту политику. Политика советского правительства направлена к обеспечению безопасности СССР, к укреплению дружественных отношений между Страной Советов и соседними государствами, к укреплению дела мира во всем мире.

Заключив договоры с Эстонией, Латвией и Литвой, социалистическое государство поклялось всему миру, как оно уважает суверенитет независимых, слабых в военном отношении стран. Мыслительное советское государство не вмешивалось во внутренние дела других стран, никогда не позволяло, чтобы они стали орудием в руках провокаторов и поджигателей войны.

Внешняя политика советского правительства одержала ряд блестящих побед. В то же время политика матерых провокаторов из лагеря англо-французских империалистов, которые хотели втянуть СССР в войну, чтобы еще больше разжечь пламя мировой войны, потеряла края.

Отгромную высоту подняли популярность и авторитет страны социализма в глазах народов всех прогрессивного человечества события, развернувшиеся в сентябре 1939 года на территории бывшего польского локутного государства.

Из предельного Ленина, княз Польшы Версальский мир создал государство — буфер...

который Антанта рассматривает как оружие против большевиков».

Выполняя волю своих хозяев, князьяне правящие классы Польши, о которых еще Энгельс писал, что они «никогда не совершали в истории ничего иного, кроме... грабительских грабежей», с даяний ног готовились к участию в разгроме социалистического государства. Выслушавшие уроки, преподавшие польским панам доблестной Красной Армией в 1920 году, не пошли вперед.

Брицавшие оружием польские генералы довели народы, население территории бывшей Польши, до крайней нищеты. Крестьяне, живущие по соседству, объединялись, чтобы вырвать картошку в одной и той же солевой воде: не на что было купить соли. Их халупы в халупу передавали грязную мыльную воду, в которую добавляла была все поощереди: не на что было купить мыла. Керосин был заменен лучиной. В Западной Белорусии крестьяне начали делать каменные топоры, возвратившись к доисторическим орудиам производства.

В наших газетах уже было опубликовано достаточно много цифровых статистических данных, убедительно свидетельствующих об ужасах польского ита. Напомним такие цифри: 16 тысяч помещиков владели в Польше 45% земли; свыше 10 миллионов польских граждан неграмотны (а ведь всего в Польше 34 миллиона населения). Достаточно вздуматься в эти страшные цифри, чтобы воиство всю глубину нищеты польского панства, которое оставило народ без средств существования и лишило его грамоты, чтобы люди труднее было организовать сопротивление панству.

Особенно тяжким было положение детей и молодежи. Даже польская печать вынуждена была сквозь зубы признать, что миллион детей до 14-летнего возраста голодают. Медицинские обследования показали: 70 процентов польской детворы страдает болезнями.

Молодежь в бывшем государстве польском была лишена всяких политических и экономических прав. Образование было ей недоступно. Если молодому человеку удавалось поступить на предприятие, он получал в четыре раза меньше взрослого рабочего, выполняющего такую же работу.

Что же касается украинцев и белоруссов, то на них вообще смотрели как на последних парней. Польские правящие классы были недоброжелательным фактом их существования — их планы вводило польское учреждение украинского и белорусского народов.

И все же привалявшие несчастливым гиетом украинцам и белорусам упорно сопротивлялись наступавшим. В долине польской оккупации теперь найдены десятки красных зна-

мен, которые были отныне жаждармами у демонстрантов, бесстрашно выходящих на маршруты пудлы и нагайкам. Не раз украинцы и белорусы поднимали восстания. Польские паны топили их в крови. Они пытали и мучили крестьян, следуя заветам кровавого князя Иеремии Вишневецкого, который еще в начале XVII века говорил, избивая украинцев: — Убивайте мужиков так, чтобы они чувствовали, что умирают...

Многонациональное польское государство, в котором поляки составляли немногим больше половины населения, держалась на штыках, на полях, подлом польническом сыске. Лучший вост нашей эпохи Владимир Маяковский, посетивший Польшу в 1927 году, с негодованием писал:

«Беда,
последуйте улиц тыщи,
малосельских и здоровенных,—
идет гражданин,
а сади —
спички,
а сади —
пара военных...»

330 тысяч поляки были переломлены, а министр юстиции Грабовский требовал у себя кредитов на строительство лопак тюрем. Да по существу и вся Польша была одной огромной тюрьмой. Можно ли было ожидать, что ее граждане захотят пролить свою кровь за бляжовичие господ тюремщиков?

И когда польский президент Мосцицкий за день до начала войны в Германии пообещал быстрое и решительное наступление на Берлин и Кенигсберг, никто ему не поверил. Очередная «рачливая глупость» правящих классов Польши неминуемо должна была закончиться и закончилась полным разгромом польского государства. И на этот раз подтвердился старый исторический закон, о котором Владимир Ильич Ленин говорил в 1919 году: «...характер войны не успех больше всего зависит от внутреннего порядка той страны, которая наступает в войну».

Польская армия, на снаряжение которой затрачены огромные деньги, которая обладала 2 тысячами самолетов, танковыми полками, 43 полками артиллерии, 30 полками дивизионной и 40 кавалерийских полками, была разгромлена за две недели. Обанкротившиеся руководители польского правительства и армии дерзнули трусливо бежать в Румынию, бросив население Польши на произвол судьбы. И когда глава советского правительства Вячеслав Михайлович Молотов объявил по радио, что «Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной

армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белорусии», — весь советский народ в едином порыве приветствовал это мудрое решение.

С энтузиазмом встретила боевой приказ комсомольская молодежь, воспитанная большевистской партией, товарищем Сталиным в духе пролетарского интернационализма. Миллионы юной и девушек Советской страны уже давно мечтали прыгнуть на помощь своим угнетенным братьям и сестрам. И на решение правительства советская молодежь отдала яркой демонстрацией своей готовности идти в бой с врагами трудящихся.

Очередной приказ в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию и Военно-Морской Флот по всеместно проходил с исключительным подъемом. Сильная, здоровая молодежь Страны советов с радостью становилась под знаменное вымпелы. Даже те, кому, по закону, предоставлялись льготы, уравнивали целей призывных комиссий зачислять их в ряды бойцов и краснорядов.

Молодежь, оставшаяся у станков предприятий и в полях колхозов, эти славные дни делала все, чтобы упорным стачковским трудом поддержать славу Красную Армию, совершающую великий освободительный подвиг.

Выполняя свой священный долг перед Родиной и зарубежными братьями, доблестная Рабоче-Крестьянская Красная Армия в течение нескольких дней очистила Западную Украину и Западную Белоруссию от деморализованных польских войск. Там, где польское офицерство пыталось оказывать сопротивление, полки Красной Армии с честью проломали створы своего военного мастерства. Наши славные бойцы, командиры и подработники еще раз доказали, как велика боевая мощь и моральная сила армии победоносного социализма.

Угнетенные паны, народы Западной Украины и Западной Белоруссии с восторгом и радостью встретили своих освободителей. Они уже давно мечтали об этой встрече. Никанке издевательств и репрессии польских чиновников не могли вытравить из сердец наших братьев чувства любви и привязанности к своей истинной родине — родине трудящихся всего мира Советов.

Жадные хищники страны Западной Украины и Западной Белоруссии украшались красными полотнянками, сделанными из косынок, шароварок, шляпок. Простым делом выносили на них крестьяне заветные слова, за которые еще накануне любви их них попилились бы жизнью:

— Хай живе радянська влада!
— Няхай живе Сталін!

Рабочие и крестьяне сами создавали отряды рабочей гвардии и милиции в помощь советским войскам. Они ловили в лесах скрывающихся помещиков, офицеров и жандармов. Изначально охранились до прихода Красной Армии: ведь теперь это — не чудное, не панское, а общее народное добро...

Рабочие и крестьяне Западной Украины и Западной Белоруссии приветливо встретили бойцов с огромным интересом расширяя их о жизни советских людей. Когда же пограничные колхозы прислали в Западную Украину и Западную Белоруссию свои автомобили, пригласили освободившихся братьев к себе в гости их восхищению и удивлению не было конца.

В колхозе села Лучина, например, побывало 150 гостей из деревень Устье, Хахи и Бельчаны, которые в основном были отселены от Лучины пограничным рубежом. Одевшие в рубашки, большие и исхудалые, гости как новорожденные ходили из хаты в хату, рассматривая электрические лампочки, радиопродукторы, добротную мебель колхозников, современных сельскохозяйственным оборудованием, которого они никогда не видели. Вещарины рабы польских панов не могли поверить, что когда-нибудь и они окажутся такой же зажиточной и культурной жизнью.

Западная Украина и Западная Белоруссия навеки освобождены от гнета панской эксплуатации. Рабочие и крестьяне Львова, Белостока, Гродно, Борислава, десятков местечек и сел — восточной великого советского народа находят новую жизнь, полную радости и счастья. В эти дни с особой силой звучат замечательные слова главы советского правительства Вячеслава Михайловича Молотова, сказанные им два года тому назад на предвыборном собрании Молотовского избирательного округа по выборам в Верховный Совет СССР:

«Мы не хотим войны...— все это знают. Мы боролась и будем бороться за дело мира. Какие еще нужны здесь доказательства?»
Посмотрите, как мирно горят наши пятиконечные кремлевские звезды. Их свет далеко и уверенно светит. Говорят, что эти звезды видны со всех концов Земли. Говорят еще, что они видны чуть ли не со всех концов Советского Союза.

Ну, а как будет в случае войны, в случае военного нападения на Советский Союз? Мы можем сказать на это: в случае же военного нападения на Советский Союз нападающий испытает как силу нашей железной самозащиты, так и силу света советских рубиновых звезд, которые светят далеко за пределы нашей страны».

А. ТВАРДОВСКИЙ

ИХ БЫЛО ТРОЕ

Памяти героев-танкистов товарищей Мухина, Ладоского, Ефимова.

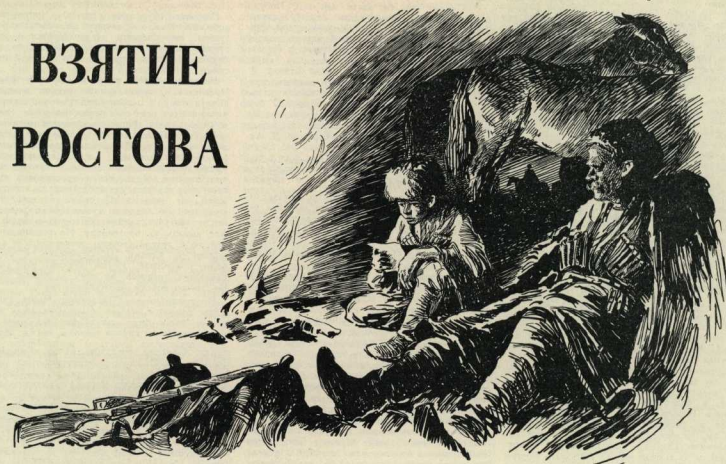
Их было трое, как один —
Стрелок, водитель, командир.
Народ веселый, молодой,
Народ отважный и простой,
Народ надежный, словом, наш
В боях бесстрашный акижак.
Защитник разоренных сел,
Он на подмогу братьям шел.
И, долг исполнения боевой,
Конец героически встретил свой...
Побитый танк со всех сторон
Был панской бандой окружен.
В последний час в колесе глухом
Они смеялись над врагом.
Кому он смертью угрожал!
Кому он милостью обещал!
Их было трое, как один —

Стрелок, водитель, командир.
Ня смерть, ня мука нестрашны
Для тех, кто правдою сильны,
Для тех, кто в смертный бой идут
За жизнь, за мир, за вольный труд.
У них врагу один ответ,
Одно-единственное: «Нет...»
И вот в лесу, в глухой ноц,
Свой суд свершили палачи
И зверский выполнили палачи:
Дровами обложили танк
И подожгли их. Но сперва
Безмяном обняли дрова...
А те — за стеной броневой
Протиснулись тихо меж собой.
Костер взметнулся, запыла...
Тогда «Интернационал»

Занеи трое, как один —
Стрелок, водителе, командир.
И хоть уже едва-едва,
Словь пламя слыхались слова,
Но души подлые врагов
От этих трепетали слов.
Когда ж сильней огню взыался
И смолкля в танке голоса,
Тот гимн еще как бы звучал,
Внушая ужас палачам...
Так совершилась казнь трояк.
В огне смешался неслех их,
Но подвиг славный не умерт,
Их память чувствуется народ.
Их было трое, как один —
Стрелок, водителе, командир.

На обложке «Бронетанковые отряды»
изданного в Брест-Литовском.

ВЗЯТИЕ РОСТОВА

Имя Аркадия Первенцева, автора талантливой повести «Кочубай», широко известно советскому читателю. В настоящее время молодой писатель работает над новым крупным произведением, переработка которого уже опубликована. Новая повесть «Над Кубанью» рассказывает о гражданской войне на Кубани и Дону, о сложных путях казачества к социалистической революции.

Мы печатаем отрывок из второй части повести, в котором автор показывает штурм Ростова революционными отрядами. Действия красноармейских частей руководит Сергей Орджоникидзе. Миша Карагодин — один из юных героев повести — принимает участие в штурме.

«...В дороге мысль настойчиво вертелась вокруг прошлого, настоящего и дней грядущих: нет, нет да и сожмет тоской сердце, инстинкт культуры борется с мнением победившему врагу, но разум, ясный и логичный разум, торжествует над несоизмеримым движением сердца. Мы живем в страшные времена современя, обескураживающие. Сражение, молча, и закаляясь, воля, этими дикими, разнузданными хулиганями признается и уважается только один закон: «Око — за око», а я скажу: «Два око — за око, все зубы — за зуб», «Подъятый меч»...»

В этой бесконечной борьбе за жизнь я стану вровень со страшным, звериным законом: «с полями жить...» И пусть бедное сердце сожмется иногда непроизвольно — жребию броши, и по этому пути пойдем бесстрашно и упорно к заветной цели через потоки чужой и своей крови. Такова жизнь... Сегодня ты, а завтра я. Крутом враги...»

Миша перевернул две странички толстой тетрадки в коричневом переплете. При свете костра плохо разбирался узорный померк. Точно нанизанные, стояли ровные, бесстрастные ряды солдат, выписанные без единой погрешки.

«22 марта 1918 года, Владимирский...»
Окружив деревню, поставив на позиции горный завод и отрезав переправу, дали деревни очереди из пулеметов по деревне, где все

мгновенно погртелось. Тогда один конный завод ворвался в деревню, навалился на большевистский комитет, изрубил его, потом потребовал выдачи убийц и главных виновников. Наш налет был так неожидан и быстр, что ни один виновник не скрылся... Были выданы и тут же немедленно расстреляны. После казни дождик дома виновных, перелоры жестоко всех мужчин моложе 45 лет...

Затем жителям было приказано свести даром весь лучший скот в окопы, савей, птицу, фураж и хлеб на весь отряд; забрали все лучшие лошади; все это нам свозили до ночи...»

— Ложась, подремай, — сказал Писаренко, подвигая и устывая край мохнатой бурки, — ты чего-то испугал, аль от этого дурацкого боя?

— Не от боя! — досадливо сказал Миша.
— Значит, еще мало. Попадет нам от твоей матери, Мишка. Лоанись.

— Дочитай, лягу, — сказал Миша, — спи уже.

Писаренко похрюпел, подмостил под голову солотом:
— Охота тебе глаза портить. Тетрачку эту надо будет комиссару отдать, трофейная. Может, там какая военная тайна. Интересное написано там, а?

— Интересное, — коротко ответил Миша.
— Писал-то кто? Писарь мей?

— Дроздовский писал.
— Дроздовский? Тот самый, что нас из Ростова испугнул?

— Тот самый.

— Ну тогда читай да нам расскажешь... Не мешай ему, Писаренко. Ишь прыл...

Но Писаренко уже тихонько похрапывал, прикрыв голову серой конской попоной. Шкурка потянулась, достал волею, бросил в костер. Поднялись искры и легкий пепел. По полону, точно обжигая его, побегали зеленые огоньки. Над Ростовом поднималось короткое подрагивающее зарево. Горело где-то далеко, за главным возкомом, примерно в районе Гиньловской. На небе лежал розовый отблеск, отпавший коматые кружевные облаков.

Где-то вблизи простреливали, но выстрелы были как-то сонные, неопределенные и отовсюду не слышны.

Миша снова приблизил к огню коричневую тетрачку полковника Дроздовского.

«Оценили Малееву конницей, — читал Миша, по привычке пошевеляя губами, — помешали попытке ударить, поставили орудия и пулеметы на позиции и послали им ультиматум — в двухчасовой срок сдать все оружие, — пригрозив открыть огонь химическими снарядами...» Вскресте пересторы пошпилали по принципу утилофинчерской ядомы. Вой столбом стоял — все калысь больше никогда не записывался в красные. Кормился отряд, как хотел, от жителей даром: в карательных целях за приверженность к большевизму.

А в обмен странная вещь, гражданская война: какое озверение вносит в нравы, какой смертельной злобой и мстостью пропитывается сердце, жутки иши жестокие расправы, жутка та радость, то усюние убийством, которое неужжо многим из добровольцев! Сердце мое мучается, но разум требует жестокого: Над всем теперь царит злоба и месть, и не пришло еще время мира и прощения...»

Миша закрыл тетрачку, то темнело черное, бездумно смотрел, как охотно поддается огню сухое полево иесяна. Рассыпавшиеся яркие улы, расстрекывались, темнели. На рукоятке вышки то багровело, то темнело черное серебро. Мальчик потрогал эфес, он был холоден. Осторожно подвинув Сеньку, он подталкивал кожные вышки торока, расстелив кожные сетельки. В ружье его был альбомчик, сунутий Исагой на прощание перек отправление их жилейского отряда в поход.

Чит в нем? Спешный утомительный марш к Ростову помешал ему рассмотреть скрипный подлокот. Теперь, в томительном проледиании нового сражения, ему хотелось лишь какое-то успокоение. В альбоме лежала почтовая голубевый бумага и два конверта. На них рукой Игги аккуратно выведены два адреса — ее и минных родителей. Неужели все? Нет. На первом листке залеплен уголок с надписью «Мише». Он отварица и уполет: «Любимый, как я тебя, и будем вечно мы друзьями». Внизу стояла подпись Игги.

Серый рассвет угрожающе увеличил коницу противника, идущую на прямое обложение. Всадники было много, и они мчались сплошной стеной, приваля или в боевое положение. Липня пик стремительно приближался. Миша ахнул, предугадывая неминуемую гибель. Он не мог себе представить, что могут сделать с этой копенгосной лавной коротике и сразу показавшиеся ничтожными шапки. Ветер повистывал, крик смутился, и ему показалось, что это крик ужаса, внезапно обнувшего не только его, но и всех его товарищей. Он глянул вперед и отчетливо запечатлел в памяти Батурина. Павло вынесся далеко вперед, обернулся, просиял улыбкой, и сотня, изменив направление, косо выехала левый фланг, освободив батарею серо, затоптанное поле. Резко ударило в уши. Батарея открыла быструю картучную стрельбу. Пики уже не были страшны, их бросало в стороны, по ним можно было судить, как сразу изменился строй противника.

Мише хотелось кричать от ликующей радости, внезапно охватившей его. Он видел, как раскачивается ствол орудия, а на правые стороны, налегая животом, работает какой-то парень, точно играя и драгая ногами. Потом на огневую позицию вылетели еще два орудия, круто завернули, падая облако пыли. За прикрытием, уводя зрячки, унеслись едомые.

Впереди сотни зайчиками мелькали чулкастые ноги батуриного коня. Сбоку появился Мостовой. Он погнался на Батурина разрозненные группы всадников противника, и те, точно погна опасность, сплотились и бросились на зыблещую сотню. Батарея прекратила огонь. Павло обвел алдор, и нему полетел стремительный Луча, потом Шкурга, а с ним десятка полтора одностаничников. Высоко поднялся и сразу же исчезли бледные клинки. Шкурга потерял из глаз, а Батурина сшибли шапку, но вскоре он помчался снова, чтобы опять скрыться из глаз в путанице своих и чужь голол и конских грив. Дальше все потонуло в безотчетном тумане бо..

Колонны левого крыла, неся сравнительно небольшие потери, заняли почти половину города. Начавшая с Милого проспекта бой стал более ожесточенным. На Таганрогском проспекте приходилось выбивать офицеров из домов, где они засели с пулеметами. Наступающие цепи красных подверглись штыковыми атакам. Наконец сопротивление у Таганрогского проспекта было сломлено. Пройдя

заградительный артиллерийский огонь, красноармейцы ворвались в вокзал, опрокинув введенные Дроздовским резервы. Выбыв Охлиа с господствующим высот Темерника и Ленинской, части первой колонны вошли в Гиндоловскую и закрепились на западных ее окраинах.

К девяти часам утра из боя возвратился Орджоникидзе, и на Садовой улице, над штабом социалистической армии, взвился красный флаг. Ростов был взят.

В полдень Серго собрал в «Палас» отелел командный состав боевых колонн.

— Железное кольцо окружения прорано,— сказал он, кладя на стол большую натруженную руку.— Перелайте мое поздравление красноармейцам, героям утренного боя. С воинскими почестями похороните павших за революцию.— Орджоникидзе встал и опустил голову. Всегда за ним тихо поднимались командиры и комиссары отрядов. Серго поднял глаза. Подбадривающая улыбка осветила его смуглое лицо:— Я не буду вас долго задерживать, товарищи. Ваше место там, на передовых линиях. Визв Ростов, мы рещили первую половину задачи, поставленной нам в Нахичеване. Утренный бой показал, что вы математика хороши, задачи рещать умеете.

Орджоникидзе коротко сообщил, что, по рещению главного командования, Ростов должен быть удержан, пока не будут выведены за Дон все штыковые, боевые припасы, золотой запас, что для возведения укреплений проводится мобилизация горожан, что революционный порядок в городе передан в руки Красной Армии, а мародерство и самовольные реквизиции будут караться смертью.

Батурина покинул штаб вместе с Мостовым. Бартан задержался на совещании комиссаров отрядов. Миша, нетерпеливо ожидая и под едею заметив выходящих командиров, пошел им лошадей. Ему хотелось спросить о чем в течение часа говорил с ними Орджоникидзе, но он не спросил из-за застенчивости. В задних рядах, как всегда, не вышедшие ростом. Они отставали, бежком догоняли колонну, удивленно таранили глаза на всадников, одетых в казачью форму. Из распероса выяснилось, что это резервные части, вытужренные из недавно подошедших зыбелов. Пехотинцы в утреннем бою не участвовали и направлялись теперь на подкрепление линии обороны.

Пехотинцы, спрятавшись в боковой улице, смелила похорошая процессия. Велики хоронили армейцев, павших при атаке вокзала. Тихо играл оркестр, точно боась нарушить покой этих людей в шинелях и свитках, бережно в ряд сложенных на выжогомелесных брйках. Позади брйек следовала какая-то шатероная часть. На знамени, вылизанном от дождя и солнца до розового цвета, висели черные шоломы лейты.

— На Нахичеванское кладбище,— сказал Мостовой, сивая шапку.— Пятьсот сегодня с катушек долот.

— Много народу гибнет,— сказал Павло, встел за Егором обнявая голову,— и в каждого ведь средство есть, детинки. Вот у нас двох сибов. По всем правилам, следовало бы до дому отпрать.

— Не сомнеу. Составы динуты бубер к буберу. Несула пальца просунуть. Пока город наш, нужно все вытнуть. Слышал же главного комиссара?

— Слышал,— сказал Батурина и издел шапку, так как процессия минула их,— слышал и удивление имел. В пиджаке, штаны под шпальети, а бой проеса поклеще самого Корнилова. Тот об Катеринодар полмолас.

— Да, тот полмолас, а шавсов имел больше нашего. У Корнилова войско было наскрзов послушное, а у нас непопонуван шумилое, трудиое. Аждитесь одних почитай не менее пяти знамен.

— Всех уговорил.

— Кажись, дождь к вечеру соберется,— сказал Мостовой.

Батурина поглядел на небо:

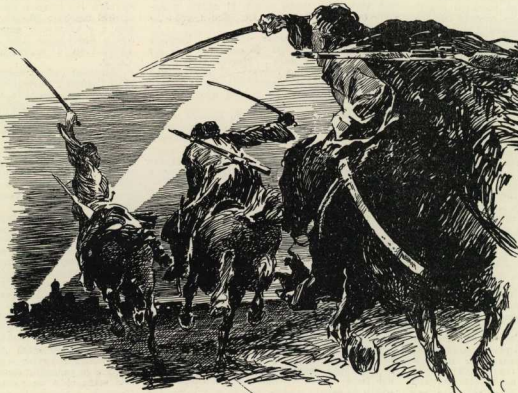
— Не хмарит.

— Хмари еще далеко, не увидишь,— улыбунулся Егор,— у меня свои приметы, стариковские. Штыковая дырка воет да полшвыи лочет. Дождь нужен. Майский дождь и хлеба и травы поднимет. Только бы без граду,— казак полуобнурился и подовал Мишу:— Чего закуриурился? Зарубай-то сегодня какого ни на есть сопливеного?

Мостовой с улыбкой заблил за мальчишкой. Миша смутился. В утренней атаке ой ничем себя не проявил. Ретные рубки, раниуиши вперед, отшваруиули его и сами заковали предсидованье.

— Никого не зарубай,— погасшим голосом сказал Миша.

— Не герой, еще приведется,— успокоил его Мостовой,— только пока плечо не окрепнет, не советую. А чтобы руку набить,— надо по-чересски... Сидись у реки я сени шашкой воду с утра до ночи Пальма..

Взвод помчался галопом..

ВРАНИИ из Ивлинчича

Э. КРЕЙКЕЛЬ,
Герой Советского Союза

27-я продолжалась слепыми паничными высадками на дрейфующих льдах Северного Ледовитого океана. Лыжня стала частью нашей работы. Чיתהра отбавила советских людей льда и работала на лыжню так свободно, словно летала разномыслием на твердой утойиной суше.

Лыжня дегрилась в агере был знаменитый полярный районет Эриет Тоголовит Кретиель. Нотью меньше поке в афере, дугие слышанности. И савое главлее — тычье можно поговориет в радиолобкитамии всего мира.

Зачонити очередной разговоре, дегриувый выходиет из палатки и осматривает лыжню: вы похватиет на грядици, как работает инер-родиватель, все ли в порядке? Паницины негда были захвуче. Коварице, мочазоние лыжи вывуче вывуче вывуче вывуче вывуче и раздвигает лыжню, на которой обособилась паницина (тотчас северный полюс).

Свободные минуты дегриувый Эриет Тоголовит отдавал своему дневнику. В тоистие тетради в серебряной никомованной обложке вывучеывались все события, происшедшие в лагере.

Наче мы публикуем несколько страниц из дневника Э. Т. Крейкеля на 1957 год. Полностью дневник будет напечатан отдельной книжкой в Госиздплате.

26 октября.

Поток предразличных телеграмм все увеличивается. Пионеры, просиные оставить им «белое пятно», получили наш ответ, и все ребята «Трехгорки» им «белое пятно» оставили. Радысти пионерского клуба «Трехгорки» прислали привет «всем паницинам, всем белым медвежкам, всем ветрам Северного полюса». В Ленинградском Дворце пионеров ребята построили свой «Северный полюс». Кому извещают этой «полосе» просит прислать им пожелания к празднику. «Вечерняя Москва» печатает в октябрьском номере рассказы счастливых людей. Просит прислать рассказы «самого северного счастливого человека». Попутно сообщают: Москва готовится к празднику, чищаются, приукрашиваются; магазины переполнены покупателями.

У нас подготовка к празднику отнимет немного времени. Пока что сегодня в вонное дежурство вместе с Шириновым вывучивал на ледобке глубоководную станцию с 3 тысячами метров. Ширинов говорит, что обем работ, на полныхнях по гидрологии, не уступает любой специальной экспедиции на специальном судне. Там имеются моторные ледобки, лаборатории, много людей, а у нас всего лишь четыре и двигающих и движущихся единицы.

У Паницины несколько дней болела голова. Он «сделал» по пять таблеток пирамидона в день, но толку никакого. Дитрич решил, что «срочно» голову, и теперь носит огромный меховой капор. Думаю, что головные боли у всех нас объясняются хроническим недостатком воздуха в палатке.

28 октября.

Задремал, сидя за приемником перед самой передачей метеосводки. Хорошо, что Паницина меня окликала. В благодушие для нас выясняется до полудня.

У Федорова лют бок. Ширинов определил у него «жесткое дыхание». Чтотное положение не ухудшилось. Женя не выходит из палатки. Вчера ночью ставила ему горючих — не домогло: очевидно, горючих выдохлось. Сегодня днем Пята по всеобщему велению делал ему

на спину банки. Банки не держатся. Мы шутим: «Большой худой, суиное мясо третьего сорта».

29 октября.

Ровно год назад подвезжал, возвращаясь с зимовки на Северную землю, в Москве. В темноте всматривался в знакомые дачные места. Хотило выдержки (это заранее было запланировано) слать вещи на хранение, зайти в вокзалную парикмахерскую, а затем поговорить, но утренняя еще сумрачная Москва пошла домой. Домой пришел то-то около 8 часов утра. Все спали, город электричеством...

Мало, очень мало любви в дома: с 29 октября по 22 марта. Надеюсь теперь послать дома чуть больше.

1 ноября.

Ночью было много телеграмм. Наши дождались, пока я закончу, спать не ложиться. Стали писать чай и «брюкочувств»: так у нас обычно называются вечерние чайные разговоры. Хорошее настроение у всех — дождали до первого ноября.

Огулдушью гремит Рейкьявик (Исландия), и даже были две русские пластинки: «Дуни, давай блинов с огнем» и «Мусенина, родная». Пел какой-то конкурент Бертинского. Пластинки записаны.

В 4 часа утра Пята и Женя заснули, а с Дитричем дожидал распорочную бутылочку коньяка. «Брюкочувств». Затем Паницина стал писать поздравительные телеграммы. Утром, пока ветер не стих, успел поздравить аккумуляторы.

Все доволны неожиданной встречей ноября. Встреча встречей, но у меня появилось гонимый нирва. Он очень мучит. И сидеть и лежать неудобно. В 4 часа дня заснул, спал до ночи и не встал.

Погода тихая, ветерок чуть-чуть. Вечером Женя определился. За последние сутки мы ушли к югу на 7 миль. Минувало 84-ю параллель. Наше место сейчас — 83°55' северной широты и 2°40' восточной долготы. Странно, что при западном ветре льдина продвинулась не на восток, а на запад.

В лагере новая мода. Вместо валенок с высокими каблуками теперь все носят «стопочки». Так окрестили огромные обрешитие валенки. В них тепло и сухо. В палатке сидим в меховых чулках, а когда надо выходить, надеваем «стопочки» прямо на чулки. Ноги всегда в тепле.

Без ветра совсем плохо горит лампа. В нашем Дикоме желейной палатке температура — минус 5—3 градуса.

2 ноября.

Нам сообщили, что на Рудольфе образуется избирательный участок по выборам в Верховный Совет СССР. Участок объявляет нас, Рудольфа, Тихую и экипаж самолетов.

Много поздравлений к празднику. Получил с Дикоме замечательную телеграмму от М. И. Круговой. «Мне вспомнился далекий вечер... увидела она... когда, у вас, сидя на диване, вы развлекли, как мне казалось, несбыточные мечты о путешествии на полюс льдами. О жизни в палатке с примусом и котловкой вместо лампы. Я слушала, и мне было жутко. Арктика для меня была таковой, я не верила в возможность осуществления

такой смелой мысли. Но вот, как и скажете, через несколько лет сбылось ваше желание. Теперь это уже действительность, реальность, вы на льдине. Скажите: счастливы ли вы? Конечно, да. Ведь так приятно, когда мечты сбываются. Привет. Пусть ярем всем нам четверть светит полярное сияние».

Глубоко трогает это приветствие. Вспомнил давно забытый разговор. Мы тогда еще замечательные нечесты и пили чай из чистых стаканов. На того, ни другого здесь нет, но зато есть глубокое удовлетворение и радость осуществленной мечты. Мария Илличична — теперь полярница и сама понимает, что Арктику можно любить. Сердечно поздравляю ее с наступившим великим праздником.

Утром сверил чай. Что может быть прекрасней этого горячего душистого напитка? Пили и хвалили наших прадедов, освоивших замечательное китайское зелье.

Женя сделала метеонаблюдение и сам передал сводку на Рудольф. Я отписался.

Вечером мне доложила все проинспектированная дич: 1. «Евселия» подобралась к полупроизводному куску мяса, его застали на месте присутствия. Моей воришке нажался. 2. Пята написал статью для «Ленинградских правды», выдохся, что дальше писать, не знает. 3. Было северное сияние, но не произошло впечатлений: здесь оно выглядит бледно и тускло.

Присутствуя к работе.

3 ноября.

Аккумуляторы снова почти несказка. Прогновлена ручная динамометрия. Трое моих товарищей спят в ожидании моего сигнала. Тогда придут скинуть меховые рубашки и крутки. Но сигнала пока что нет: остров Рудольфа передает телеграммы. Запоминаю и в волнении перечитываю их. В Карелии и Белоруссии Иван Дитричевый выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

...Наковец работа закончена.

— Дитрич, получай телеграммы. — В первые минуты волнение позволяло даже радость. Однако пора дожидаться слать. Но только мешок Паницины еще долго позитивно шевелится. Не окликаю его в надежде, что он заснет.

У нас уютно раздается из мешка приглушенный голос: «Геоурчич, никак не могу заснуть. Все душно. Давая вышек немножко коньяку». Снимаю со стены висевшая на веревочке бутылка, нагнетается сапог, начинается разговор.

От трубной и шивенских лагуз Севастополя до Северного полюса Иван Дитричевый прошел большой, но приключенный путь. Паницины быстрое. Мы трезво с осторожностью относимся к этому заявлению. Однако, когда была утолщена круглая, чрезвычайно сложная коробка гидрологической вертушки, он блещет слава «экзана». Тисками ему служили колени. Через несколько дней точная копия коробки была готова.

Что он еще имеет делать? Не терять доброты в самой сложной обстановке. Чинить все — от бронезащиты до припусков горючки. Но основное умение — это подавать пример в работе и увлекать своим энтузиазмом людей. Не шая себя, его удивительно бережет и заботится о верных ему людях. Иногда про-

слышится: это Папанин поправляет твои сбившиеся метки.

Во время полготовки экспедиции в Москве, после дня, наполненного тысячами хлопот, он всегда покупал конфеты. Динити знает, что детишка его дома ожидает дядя Бано у ворот. Вызывает грозный командант Крымской ЧК не забывал своих маленьких друзей.

Папанин все получил от революции, и революцию он все отдал. Должником Папанин не будет...

Днем, воспользовавшись тихой погодой и вполне приятным рассветом, я забрался в радиосалон. Выход совсем закулисный светом. Лодка тихо плывет среди почти не берет. Прелез через дюраль, прыгнул назад, как рак. Вызд большой аварийный передатчик, собрал в один ящик всюкую мочу и занесшие части, свалил ее и поковырял на кату. Это и будет наше аварийное радио.

В 17 часов передавали из Москвы детский концерт. Выступали обе дочери. Говорили бойкой Ира читала отглаголило и увлекается грабировкой У Лиски новое платье, а мама обещала купить ей такой же портфель, как у Иры.

4 ноября.

Папанин написал ответы собранию избирателей, выдвигавших его кандидатом в депутаты Верховного Совета. Дядя его искренно пожелал в удовольствии расписать бутылку коньяку, Закумалял сухарями, икрой и сыром. Широко пошел опускать трюсы для очередного промера, а я завалился спать.

Сегодня начался восточный ветер, и сразу усложнился дрейф. Трес в лунку прижало к краю и заморозило. Теперь его ни поднять, ни опустить. Под льдом болтается 2 тысячи метров. Надо ждать, когда прекратится дрейф. Ветер свалился с Алеской, Английской и Французской. Ветер кричит. Прислушиваемся к воям. Неуютно поскрипывает палатка.

6 ноября

Ночью занимался наточкой трех притов для асбестового прихорашива. Утром варил кофейный ликер и жарил кучу лешек. В палатке у метеограда и на дворе у метеограда горит маленькие двухколпачковые лампочки. Завел патроны к ним и устроил такую же лампочку у радиостанции. Наше керосиновое солнце порой из-за недостатка воздуха совсем гаснет. Во время приема нельзя здесь прочесть, что вынешь.

Получили очень интереснейший запрос от Управления полярных станций. Задают всякие практические вопросы об оборудовании и снаряжении нашей экспедиции. В чем дело?

Опыт работы с любителями. Удалось установить, пожалуй, самую дальнюю связь — с Норвежскими. Связь тогда свелась с Б. американцами, 1 восточнее и 1 голландцем.

Долго работала с любителями и свала только 4 часа. К 11 часам вечера меня разбудил. Все извонили красноту: брились, стоя на коленях над тазиком, умывались (до шеи) и мочили белье. Замечательное самочувствие после мытья, бритья и чистки зубов. Жители Большой Земли лишены возможности ощущать всю полноту этого удовольствия. Разве только маленькие иглавые мамские замаришки составят исключение.

Заключив торжество умывания и бритья друг другу с праздничным селом ужином. Дядя треску свалил бедола прекарно заменил соли. Сгустилось молоко, три сорта конфет, леденчик вместо сухарей, торг, ликер украсила стол и услуживала взором. Очень дружно и хорошо пролегла первая ужины.

Прохладат Ренкингам. Он передал что-то хорошие пластинки. Затем все заснуло, а в остаток ночи дежурил. Ходил по нашему старому бургомскому ледяному полю.

Восточным ветром нас крепко свалило на северозапад. Движемся из север. Вот здорово! Если прежние координаты были 83°49' северной широты и 2° восточной долготы, то теперь стала 84°03' широты и 49' долготы. На 14 миль к северу.

Завтра — великий праздник. Затих ветер. По ледяному небу снова расплывается зеленое пятно полярного сияния.

7 ноября.

Еще с вечера — в канун праздника — стала затихать трехдневная буря. На дворе установилась ясная, морозная погода. Температура — минус 32 градуса. Шторм. Поэтому в палатке стало морозно, лампы не горят совсем. Это неприятно при писании меркурия палатки.

На столе обеды обычными питаниям выступил иней в воздухе еще носятся приятные запахи одолекло. Это — воспоминание о вчерашнем бритье. Каждый из нас отказано использовал свой горючий пак из натурой — чайник воды. Хотя пришлось раскислены и работают почти на чистом бензине, подогрев воды занимает много времени: надо перебороть 32 градуса мороза — и, конечно, обязательно горячую воду использовать внаследь.

Пока наш народ спит, общаемся с Ленинградом и Свердловском, прибывшими приветствиями.

В сералие палатки остатки предраздающего уюта. Попорочему тускло горит лампы, температура в палатке — ниже нуля. Уды палатки тонут в темноте. Глубоко нахлобувано меховую шапку.

К 9 часам все было на ногах. Я уже сделала метеобюллетень. Пили сиенно чай, чтобы успеть послушать речь товарища Берсина. Включили Красную площадь. До нас доносились далекие шумы праздничной Москвы. Отчетливо слышались передача парада, громкий рокот танков, артиллерии. Брезанями предумоуждана, но речь любимого наркома обороны слышалась отлично. Климент Ефремович, перечисляя успехи нашей родины, сказал и о нас. Это было блестящее, громадное чество.

Потом, когда замолкла далекая и родная Москва, мы тоже вышли на демонстрацию.

С двумя флагами автестером шли через улицы, глядя тороски к трещине. Где-то, страшно далеко, чуть валеда зари, но она не затемяла яркого блеска знода. Ветер ела шевелил шолк наших знамен. Показали к высочному торосу. Динити забрался наверх и сказал короткую, но глубоко прочувствованную речь. Троекатранным залпом приветствовали славою голосами. Запали ракету. Она вспыхнула и отогнала холодную темноту артистической ночи. От ее света заглялись белые грани торосов, заискрился снег. Заиндевелище от мороза, мы стояли, недвижные и замолкшие, стараясь по возможности сохранить эти торжественные, памятные моменты. На четыре. Кругом на тысячу километров необятные альды, мороз и ночь. Неудержимым потоком, стлывались и напирала зари на друга, дилжусь громадные ледяные поля. То сужаются, то расходятся извальные раз-

воль черной воли, зажатые меж альды. Когда меняется направление ветра, с гулом и грохотом напывают на наше поле соседние альды, расступаются в стороны. Вдоль берега, по соседству километром по прямой прошла, наша льдыня. Уже месяц, как ушло за горизонт солнце. Но мы не одноким: мы живем и мыслим вместе с советским народом, вместе с ним всегда чувствуем работу и напряженную борьбу И великого Сталина. И если вражья эскадрилья попытается к нашим границам, мы будем так же спокойно и уверенно работать на любом посту, куда нас пошлет, какой нам доверит страна.

После обеда мы долго не могли привыкнуть к темноте. И где-то вальде, кажется, еще не замолкло эхо нашего салата, взорвавшегося вековой тишине Арктики.

Днем снова слушали радиостанцию имени Коминтерна. Наше приветствие передавали по Москве, а потом его зачитывали в Ленинграде.

В 6 часов вечера принял телеграмму от советского города Охи на Сахалине. Вот ее текст: «По постановлению предвыборного общего собрания съездов Охи на Сахалине, обращаемся к вам, славному связисту нашей родины, с просьбой о том, чтобы вы в ближайшее время выдвинулись в кандидаты Совета Союза по Приморскому избирательному округу. Президентом собрания».

Что скажете?! Это лучший и почетнейший подарок к празднику.

Поздно вечером слушала прекраснейший концерт для полифоников. Папанин рассказывал о грозных годах гражданской войны, о Семьдесят-пяти, о боях красной повстанческой армии в тылу последнего белого барона, о том, как темной, осенней ночью, укрывшись в мешке из-под мучки, на контрабандный фелетер пробрался она через Черное море, а затем шел через Турцию, чтобы доставить товарищу Фрузе доносение о действиях красных партизан...

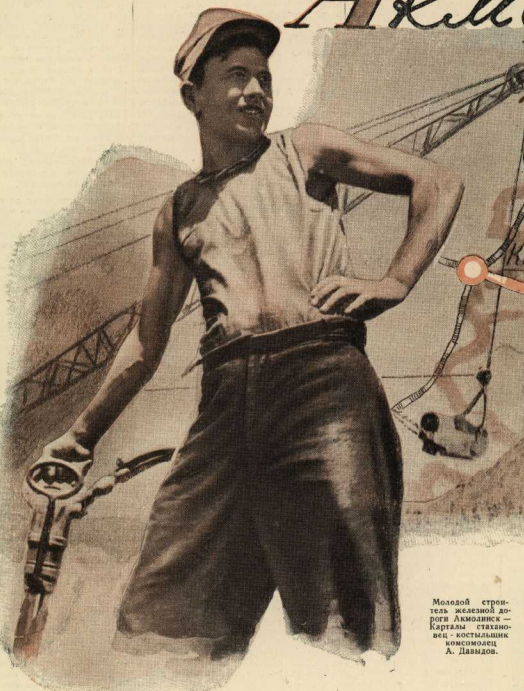
Ночью на дежурстве пришли разные мысли о нашей зимовке. О Генра когда-то написал: «Если вы хотите поощрять и поддерживать любительскую работу членов нашей зимовки, вы должны вкормить их на двадцать футов. Человеческая натура этого не выдержит!» У какого-то другого писателя есть рассказ «Мушкетер». Содержатель Человеческая натура этого не выдержит. Это было нечего живого. И вот как-то к ним залетела живая муха. Ее заперли в консервной банке. Муха, обыкновенная муха, стала предметом заботы, мысли, жизни человека. Человеческая натура этого не выдержит. Люди ревновали друг друга к мухе. Случайно один из них открыл банку — и муха улетела. Его убийца.

Что же, полярная история знает такие страдания. Они так уже неправдоподобны. Но вот у нас тут тоже четыре человека. И хитриво наша история тоже не больше чем воспеивать на двадцать футов. Но не только муха, даже живый слон несносен, кажется, нарушить наше душевное равновесие. Нам такой дружок связывает нас И нет этого ничего удивительного. Говно так же дружно и бедно жили бы на льдыне в другие светские люди. Ведь мы не одноким: за нами вся страна, все.

Родина. Какое светлое и большое слово! Родина — это я сам и мой дружок, это наши семья и дети, это дороги в жизни, и мы ходим по этим дорожкам как козлята. Родина — это наши поля и сады, и плечи попутца для нас в эти сады, и цветут цветы, и обильно плодотворит хлеба. Родина — это все моей страной, землям из нас, готовый отдать все своею жизнью и кровь до последней капли, чтобы и вперед росла слава родины, ее благословенность и могущество, чтобы дети наши в будущем не преклонялись перед союзниками как цветы. Родина. Партия. Сталин. Эти слова стали единичными в сознании советского человека. Родина наша — вступившая слава Сталин — великий саловник в этом саду. Он встает людей и бережет их, он зовет их на поляны во имя жизни и будущих поколений. Вот почему ты хочешь жить и бороться, чтобы бороться, бороться чтобы победить...

Г. Т. Кренгель и райспиремичка на дрейфующей льдыне.

Акмолинск

Троицк
Кустанай
КАРТАЛЫ

Молодой строитель железной дороги Акмолинск — Карталы станионец — кустальник комсомолец А. Давыдов.

Речь идет о железной дороге. В ближайшем будущем она начнет существовать. Но пока это лишь бесшумный пункт на карте СССР. Все же при небольшой доле воображения легко себе представить, как по пунктирной тропе, минуя мелкие разъемы, быстро мчится великан «ФД». Он уверенно выводит из тяжелых зарослей Сибири тяжелый поезд, ловко загибает в отрогах Атая, выбирается на простор казахстанских степей, пересекает уральские кряжи и обесслесенный замирает у подножья горы Атач. Кузнецкий кокс прибыл из Сталинска в Магнитогорск.

По той же тропе те же стальные великаны идут в обратном направлении магнитогорскую руду — пишу сибирским домам. Совершается непрерывный кругооборот социалистической индустрии.

Так будет. А пока кокс попадает в Магнитогорск и руда — в Сталинск окольным путем, путешествуя понапрасну за сотни километров по Транссибирской магистрали.

XVIII съезд ВКП(б) постановил проложить кратчайший путь между Сталинском и Магнитогорском, построить Сталинско-Магнитогорскую магистраль длиной в 3185 километров. В 1942 году по ней должна проследовать первые сквозные маршруты с коксом и рудой.

Для сооружения магистрали потребуется проложить более 2 тысяч километров новых путей. Причем почти половину их через Казахстан — страну нетронутых природных богатств, вторую по величине территории республику Советского Союза. Казахскую часть магистрали — железную дорогу между Акмолинском и Карталами протяжением в 806 километров — было решено строить в первую очередь. Это главная часть будущей Сталинско-Магнитогорской магистрали. Комсомол взял шефство над строительством этой дороги.

Акмолинск — это прежний губернский город, центр в прошлом пустынного, малонаселенного края. Всего лишь несколько лет назад для того, чтобы добраться в этот город из столицы, приходилось затрачивать больше времени чем на путешествие из Европы в Америку. А теперь Акмолинск уже соединен железной дорогой с Транссибирской магистралью и превращен в очень важный транзитный пункт для грузов, следующих из Караганды и прибалхашских районов в Сибирь и на Урал.

Карталы — станция, расположенная на Южно-Уральской железной дороге. Эта станция приобрела исключительную известность лишь потому, что здесь начинается железнодорожная ветка на Магнитогорск.

Новая дорога почти вдвое сократит путь из Караганды в Магнитогорск, а значит, удешевит

и ускорит перевозку угля. К трассе этой линии прилегают густые районы, богатые ископаемыми, и необжитые земли. Так, недалеко в Максимо-ском и Экибастуном районах открыты большие залежи угля, в Бошкекле найдена медная руда, в Майканы — золото, в Тургае — сурьма. Новая железная дорога пройдет через эти местности и позволит превратить их в важные индустриальные районы. Валед за железнодорожниками сюда придут горняки, металлурги, золототкачи. Приобщатся к жизни и земельные просторы, по которым не ступала даже нога человека. Сюда придут тысячи переселенцев-колхозников, чьи трудолюбивые руки создадут в пустынных степях очаги культурного земледелия.

***

Весною 1939 года за изысканиями новой трассы последовали землекомы, экскаваторщики, арматурщики, шоферы и трактористы.

Строители спецлин. Нарком путей сообщения Л. М. Каганович приказал в десять месяцев проложить этот путь в страну богатств, открыть в декабре 1939 года сквозное рабочее движение поездов между Акмолинском и Карталы.

В мировой железнодорожной строительной практике еще никогда не применялись такие темпы. Не даром стройка сразу же получила название скоростной...

Глухая, бездорожная степь, зеленевшая весной травой, оборудованная пришедшие свои действительно-неприступным простором.

Степь, знавшая только многоголосую музыку неумных кузнечиков и сверчков, услышала гулкий автомобиль, шум моторов, ликт цепей землероек. Всклу вдоль вскопанной полосы выдвинулись сейчас длинные шеи экскаваторов, то услужливо склоняющиеся к земле, то гордо выпрямляющиеся. Рабочая машина уверенно зарывает стальной пригоршней руду и бросает его в авто-

Карта

самосвалы — грузовики с опрокидывающимися кузовами. Вот медленно движется тяжелый грейдер — элеватор. В отличие от своего родственника — деревенского плуга — он не только вспахивает землю, но и тут же забирает ее на транспортер, откуда сбрасывает или на трассу или на автосамосвал, следующий за машиной по пятам. А там, где почва помякче, падают тракторы, которые волокут железные ковши — скрепелы, — оставляя за собой след.

Машины берут на себя то, что испокон веков делали землекопы, грабери, грузчики.

Но самый крупный объект строительства — укладка пути. Молодому советскому инженеру В. Платову удалось сконструировать такую путеукладочную машину, которая экономят рабочую силу и перекрывает рекордные показатели ручной укладки.

...13 мая 1939 года из Акмолинска отправился поезд — несколько грузовых платформ и паровоз. Паровоз находился позади, а вад передней платформой высилась длинная стрела подвешенного крана. Этот поезд был замечательным, что он сам стал для себя путь.

Делалось это так: подвешенный кран поворачивал голову назад и, забрав с платформ готовое звено пути: два рельса, скрепленные со шпалами, — бережно опускал его наземь впереди себя. Рабочие быстро свинчивали рельсы с предыдущим звеном. Укладка каждого звена занимала одну минуту, и поезд двигался дальше. Таким образом путеукладчик может за сутки продвинуться на 16 километров, хотя в настоящее время его производительность ниже проектной. Все зависит от обслуживания агрегата, от бесперебойной подачи звеньев. Для этого в Акмолинске построили специальную базу, заготавливающую звенья.

Подобно путевым звеньям строители заготавливают заранее и другие детали для различных сооружений дороги, например для мостов, виадуков, домов, станционных помещений и т. д. Эти детали вырабатываются на хорошо оборудованных строительных дворах и затем доставляются на место сборки.

* * *

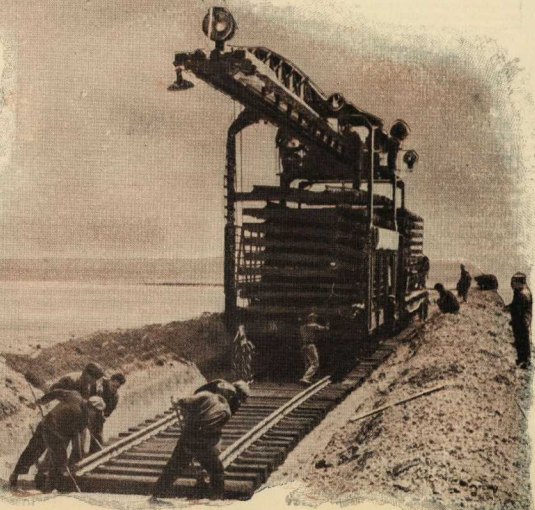
Два путеукладчика неуклонно движутся навстречу друг другу. Они должны встретиться у реки Ишны.

Из 806 километров пути проложено уже свыше 500. После того как пройдет первый поезд из Акмолинска в Караганду, строители еще не смогут сложить свое оружие. Они прокладывают пока, если можно так выразиться, черновую линию, то есть укладывают путь не только на благоустроенном полотне, но и кое-где на естественном грунте, на берме. Этот черновой путь облегчит быстрое сооружение полотна по всей трассе. Переборка звеньев пути с бермы на основное полотно займет немного времени.

Эта работа должна закончиться к концу декабря, вслед за чем откроется сквозное движение поездов.

Путеукладчик за работой.

↓

ВЕЛИКИЙ ЧЕЛОВЕК

Полвека назад, 29 октября 1889 года (17 октября по старому стилю), умер великий русский социалист Николай Гаврилович Чернышевский. Высокообразованный, одаренный человек, он был признаным идеальным вождем революционной демократии конца 50-х и начала 60-х годов прошлого века. Философ, эссеист, публицист, писатель-художник и критик, он создал множество произведений, исключительных по глубине мысли и революционной повязке.

Книги Чернышевского — подлинные жемчужины в истории развития русской общественной мысли. На протяжении нескольких десятилетий на этих книгах училась передовая русская молодежь. В них христианство не один только знания, но одно только умение ориентироваться в сложных и подчас запутанных условиях окружающей жизни. В книгах Чернышевского молодежи неизменно находила высокие образцы революционного мужества, непримиримости, нравственной целиности. А нравственный облик самого Чернышевского — этого неустранимого борца против самодержавия, крепостничества, эксплуатации, всеческих гнусностей и свинства старого уклада, — подвиг самой жизни великого писателя-революционера многократно усиливала впечатление от его книг.

Родился Николай Гаврилович Чернышевский в 1828 году. Как и Белинский, Чернышевский был яковлевским. Но своему социальному положению он принадлежал к различным — общественной группе, сыгравшей выдающуюся роль в истории русского освобождения крестьянства. «Образованный разношерстный класс Плеханов», — это вестник новой России, объявляющий старому порядку войну не на живот, а на смерть и в той войне берущий на себя опасную роль авангарда.

Учился Чернышевский сперва в саратовской семинарии, а затем в Петербургском университете, где окончил филологический факультет в 1850 г. Период формирования мировоззрения Чернышевского совпал с революционными событиями в Западной Европе. От том, какое сильное воздействие оказала на Чернышевского революция 1848 г., можно судить по заметке в дневнике, сделанной им в декабре того же года. «Я нисколько не подорожу жизнью», — писал Чернышевский-студент, — для торжества своих убеждений и для торжества свободы, равенства, братства и доводиться уничтожения нищеты и порока, если б только бы убежден, что мои убеждения справедливы и восторжествуют, и если уверен, будто, что восторжествуют они, даже не пожелая, что на унынии для торжества и нарста им, и сладо будет умереть, а не горько, если только буду в этом убежден...»

Молодой мыслитель много работал над своим идеальным развитием. Он овладел главными европейскими языками и тщательно следил за движением передовой мысли Запада. Большое впечатление произвели на него труды великих социалистов-утопистов — Фурье и Роберта Оуэна. Глубоко изучил он Гегеля и с энтузиазмом встретил материалистическую критику гегельства, предпринятую Фейербахом. А в России своим предшественником он считал (с полным основанием) Белинского.

Революционно-материалистическое мировоззрение молодого русского социалиста-утописта складывалось под влиянием не только европейских событий и книг иностранцев, но и отечественных авторов. Многие восприняли его непосредственно из великой книги жизни.

Н. Чернышевский.

Российская действительность тех лет была поистине поучительна. Над многомиллионным крестьянством тяготело иго крепостничества. В армии, где цвет нации превращался в «николаевских солдат», служивших по 25 лет, господствовал каторжный режим. Телесные наказания подавали малейшую попытку протеста. Цензура была настолько строга и тупа, что слова «вольный дух» вычеркивались даже из «новаренных книг». В судах и администрации творился полный произвол. Взяточничество и казнокрадство были так же бытовым явлением, как езда на перекладных. Если не считать небольшой железнодорожной ветки, соединившей Петербург с Петергофом и служившей для увеселительных прогулок царя и придворной камарилы, вся необятная империя имела одну-единственную железнодорожную линию — Петербург — Москва. Техническая страна по сравнению с быстро развивавшимися странами Западной Европы была вопиющая.

Можно ли было ожидать много исхода Крымской войны, которую вел Николай против Англии, Франции и Турции, кроме поражения? Единственно, что здесь действительно достойно удивления, — это длительная и героическая оборона Севастополя. Но в ней никакая экономическая и культурная отсталость перед внешним миром отсталости николаевской России. Крымская кампания была историческим экзаменом для николаевского ре-

жима. Военное поражение означало полнейший провал всей старой политической системы.

Вступивший на престол после смерти Николая Александр II был озлоблен тем, чтобы путем минимальных уступок и «реформ» предотвратить растущее революционное движение крестьянских масс и тем самым спасти самодержавие. «Лучше освободить крестьян сразу», — говорил Александр II, — чем ждать того времени, когда освобождение начнется «нишу».

Помешки того созвала горушку для них неизбежность ликвидации крепостного права, однако они настаивали на том, чтобы крестьяне при освобождении не получили земли. При расхатанных прежним царством и наследственными государственным финансам царь не мог на это пойти. Лишить крестьян землей означало для правительства самому лишиться такого крупнейшего объекта податного обложения, как крестьянство. Что не дать самого себя и обиду и не слишком обидеть помещиков, царское правительство решило при освобождении крестьян не делить их жалкими участками земли, но назначить за нее крайне высокий выкуп. Это позволило попрежнему драть с крестьян семь, шкур — и для казны и для помещиков.

Вот в какой политической обстановке развивалась деятельность Н. Г. Чернышевского.

***

После окончания университета Николай Гаврилович несколько лет состоял преподавателем кадетского корпуса в Петербурге и в саратовской гимназии. В эти годы он написал магистерскую диссертацию «Эстетические отношения искусства к действительности».

Когда диссертация появилась в печати, она обратила на себя внимание гоглявших руководителей журнала «Современник» — Некрасова и Панаева. Они приехали Чернышевского к участию в журнале, где он заведовал левой критическим, а затем и политическим отделом. В 1855 году он начал помещать в журнале серию своих «Очерков Гоголевского периода русской литературы». В следующем году он принял участие в «Современнике» молодого Добролюбова.

Труды этих двух выдающихся деятелей революционной демократии завоевали «Современнику» беспримурную популярность среди русской передовой интеллигенции. Не даром Энгельс назвал Чернышевского и Добролюбова «двумя социалистическими Лессингами», а Левина сказал о литературных трудах Чернышевского: «От его сочинений всег духом классическим собою».

После падения исхода Крымской кампании, в течение нескольких лет, ардащественных манифестов об «освобождении» крестьян и другим александровским «реформам», в центре политического дискуссионного вопроса являлось освобождение крестьян. Чернышевский со всей старостью революционного борца, с могучим даром полемиста отстаивал освобождение крестьян с землей при минимальном выкупе. В статье «Труден ли выкуп земли» он доказывает применимость этого плана для правительства и легкую его осуществимость.

К речи Чернышевского, надо сказать: он очень скоро извлекать от иллюзии, будто царское правительство собирается решить вопрос о полноте крестьян. Уже за три года до манифеста, в 1858 году, Чернышевский понял, что царь будет считаться только с интересами казны и помещиков, а крестьян обдерет

Кавказ

Хотя я судьбой на заре моих дней,
 О кожные горы, отторгнут от вас,
 Чтоб вечно их помнито, так надо быть раз:
 Как сладкую песню отчизны моей,
 Люблю я Кавказ.
 В младенческих летах я мать потерял.
 Но жилось, что в розовый вечера нас
 Та степь повторала мне памятный глас.
 За это люблю я вершины тех скал,
 Люблю я Кавказ.
 Я счастье был с вами, уцелели гор;
 Пять лет пронеслось: все тоскою по вас.
 Там видела я пару божественных глаз;
 И сердце лепечет, вспомяв тот взор:
 Люблю я Кавказ!..

1830 год.

Новгород

(3 октября 1830)

Смыя снегов, смыя сааян,
 Зачем вы мужеством упали?
 Зачем?.. Пошибет вас тиран,
 Как все тираны погибали!
 До наших дней при имени
 свободны
 Трепещет ваше сердце и кипит!..
 Есть бедный ерад, там видели
 народны
 Все то, к чему теперь ваш дух летит.

Вверху: «Воспоминания о Кавказе». Картина масляными красками работы М. Ю. Лермонтова (1839 г.).

В центре: М. Ю. Лермонтов. О заваряльного портрета, сделанного самим автором.

Внизу: рисунок пером М. Ю. Лермонтова.

Элегия

Дробась, дробась, волна
 ночная,
 И пенной орошай берега в туман-
 ной мгле.
 Я здесь стою близ моря на
 скале;
 Стелю, задумчивость питаю,
 Одим; покинув свет, и чуждый
 для людей,
 И никому тоски поверить не
 желаю.
 Вблизи меня плавают рыбарей;
 Меж них блещит оловя
 гостеприимный,
 Семья беспечная сидит округа
 оловя;
 И, внемля повесть старика,
 Себе готовит ужин оловяный! —
 Но я одалек от счастья их
 душой,
 Я помню блеск обманчивой
 столнца,
 Веселый пазубных невозвратимый
 род.
 И что ж? — следа бежит с
 рещицы.
 И сожаление мою тревожит
 грудо,
 Года погибшие являються все-
 часно;
 И этот взор, задумчивый и
 ясный —
 Твержу, твержу душе
 забудь! —
 Он все передо мной: я все
 твержу напрасно!..
 О если б я в сем месте был
 рожден,
 Где не живет среди людей
 коварность: —
 Как мною бы я был судьбою
 одожен —
 — Теперь у ней нет прав на
 благодарность! —
 Как жалко тот, чья малость
 принесла
 Морщину лишнюю для старого
 чела,
 И, отобрав все милье
 желанья,
 Одно печальное раскатые дала;
 Кто чувствовал как я — что-б
 чувствовать страданья,
 Кто рано свел жизнь — и с
 страшной пустотой
 Как я оставил брег земли своей
 родной
 Для добровольно
 изгнания! —
 1830 год.

Лермонтов и Пушкин

К 125-летию
со дня рождения
М. Ю. Лермонтова

Через несколько дней после трагической гибели Пушкина спеша из Петербурга, а затем и по всей стране стали с необыкновенной быстротой распространяться списки стихотворения «Смерть поэта». «Навард ли когда-нибудь в России стихи производили такое громадное и повсеместное впечатление», — вспоминал по этому поводу один из современников. Стихотворение это явилось обвинительным приговором убийцам Пушкина, высокопоставленной церковной челяди, «каждому толстой столицу у трона, Самоды, Гаяна и Салам пашавам», как с немудреной жесткостью и прямотой называл их автор стихов. Не удивительно, что Николаю I стихи эти были представлены с красочнейшей надписью «Признак к революции». Автор «Смерти поэта», никому тогда неведомый двадцатидухлетний гусарский офицер Михаил Лермонтов был арестован и сослан на Кавказ. Так ссылкой началась общественно-литературная деятельность нового поэта.

И Пушкина и Лермонтова с самого начала их жизненного и литературного пути роднит одинаково поэтические настроения.

Подобно автору «Вольности и «Кипячка», Пушкину, Лермонтов с самого начала поэтической деятельности резко отрицательно относился к самодержавно-репрессивному строю. «Есть суд земной и для царя», — восклицал он в стихотворении 1830 года, приветствуя июльскую революцию во Франции.

Лермонтов убежден, что в России недалеко час народного восстания — день, «когда царей корона упадет, когда по всей стране пройдет «мошней человек» с «возвращением челою и «булатным ножом в руке».

О том, насколько глубоко близки друг другу были Лермонтов и Пушкин, свидетельствует еще одно обстоятельство. В 1832—1834 годах юноша Лермонтов набросал роман «Вадим», который остался незаконченным. Примечательно прежде все то, что содержание «Вадима» тесно связано, как и «Кавказская дочка» Пушкина, с пушкинским восстанием. Мало того, и Лермонтов и Пушкин затрагивают одну и ту же тему: изображается дворянин, переживший на стороне Пугачева. Напомним вкратце сюжет «Вадима». В романе изображен богатый и наделенный поместьем Палицын, жестокий крепостник, самодур и сла-

Автограф стихотворения М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта».

столюбив. У Палицына были «добрый сосед»: оба были страстными охотниками. Они жестоко поспорили по совершенно пустому поводу — по «собаке» делу: собака соседа обскакала собаку Палицына, сосед померился над ним. Палицын решил примерно наказать соседа: «открыл старинную тайбу о землях и выиграл ее и отнял у него все имение». Сосед, умирая, проклял его и заещал свою ненависть сыну Вадиму. Ради мести соседству злодею Вадим присоединился к восставшим. Нельзя не видеть, что все это чрезвычайно, подчас до полного совпадения, близко к фабуле повести Пушкина «Дубровский». Поразительное всего то, что «Вадим» начат в мае, 1832 году, когда написан и «Дубровский». Замысел повести о дворянине, перешедшем на сторону Пугачева, возникает у Пушкина годом позднее, в 1833 году. Несомненно сюжетное сходство лермонтовского «Вадима» с «Дубровским» и «Кавказской дочкой» несомненно подсказывает мысль не написан ли «Вадим» под влиянием повестей Пушкина? На самом деле этого не было и не могло быть. Пушкин и Лермонтов вовсе не были знакомы друг с другом. Пушкин даже и не подозревал о существовании своего младшего современника и возростенного поклонника; опубличивши же все три произведения были через много лет можно сказать, что ни Лермонтов, создавая «Вадима», ничего не знал о «Дубровском», ни тем более Пушкин, работая над «Дубровским» и «Кавказской дочкой», — о «Вадиме». Садясь за перо, ни о каком влиянии или замешательности говорить здесь не приходится. Но это для нас еще более важно, чем если бы мы такое влияние обнаружили.

В начале тридцатых годов по России прокатились народные волнения, так называемые «колериные бунты». Они имели место в Москве, в Петербурге, в Новгородских военных поселениях. Пушкин, как мы знаем, чрезвычайно остро реагировал на них, видел в них своего рода реценция пушкинского движения. Невосприимчивые отклики Лермонтова на эти «бунты» до нас не дошли, так как черепки его почти не сохранились. Но то, что в его воспоминаниях, переживаниях и в его поэзии, особенно романе изображено пушкинское восстание, достаточно знаменательно. Разрешено по суду богатоименными своими белыми соседями было в русской действительности того време-

ни явление весьма распространенным. Судебное решение, по которому имене Дубровского перешло к Троекурову, представляет собой подлинный юридический документ. Пушкин ввел его в повесть, предварив его следующими словами: «Мы помешаем его вполне, полагаю, что всякому приятно будет увидеть один из случаев, когда на Руси можем мы лишиться имения, на владение коим ищем неоспоримое право». Лермонтов ничего не знал о том судебном деле, которое послужило Пушкину материалом для фабулы «Дубровского», но фабула его «Вадима» также основана на истинном происшествии: бабушка рассказала ему об аналогичном случае, происшедшем в то время восстания Пугачева. Таким образом, и Пушкину и Лермонтову сходные фабулы их произведений были подсказаны действительным жизнью. Творческое влияние обоих писателей было направлено на один и те же источники русской действительности. Оба выбирали из нее односторонний материал и истолковывали его во многом одинаково.

Пушкин и Лермонтов занимают одинаковую позицию по отношению к обществу — «к свету», т. е. к широкому двору и дворянской аристократии, среди которой оба вырастают. Это была позиция вражды, осуждения, непримиримой, то потаенной, то открытой ожесточенной борьбы. И опять-таки общие причины порождают общее следствие: оба поэта валяют жертвами этой борьбы, трагически, безразмерно гибнут при схожих во многом обстоятельствах.

Враги, убившие Пушкина — двор, аристократия, — были кровавыми, непримиримыми врагами и для Лермонтова. Именно этим объясняется та потрясающая сила, которую обрел стих Лермонтова на смерть Пушкина. Именно это сделало Лермонтова выразителем настроений всех неравнодушных людей того времени, поддало его личную боль и скорбь по поводу всякой литературной утраты на высоту могучего социально-политического протеста, сделало его стихотворение о погибшем поэте одним из самых сильных «вольных» стихотворений нашей поэзии.

2

Стихотворение Лермонтова не только потрясло современников силой своего гражданского негодования, но и поразило их замеч-

тельным словесным чеканом. Такими могучим, энергичным, развигим стихом до этого мог писать только Пушкин.

В лице Лермонтова в русской литературе действительно произошла аркадная эпоха огромного размаха, таковы ее могучих творческих возможностей, как и гений Пушкина. Необычайно стремителен был творческий рост Пушкина. У Лермонтова он достигает такой же, если не большей, высоты, достигнув уже довольно годами моложе Пушкина. Между тем за двадцать семь лет своей жизни он сумел создать изумительные шедевры в самых различных областях литературы и искусства, не только став великим поэтом-лириком, но и дал образцы такой прозы, о которой другой наш величайший прозаик, Гоголь, с полным правом мог отозваться: «Никто еще не писал нас такой правдивой и поэмы, от сосредоточенной прозы». Пробовав Лермонтов себя и в драматургии и если не успел написать своего «Бориса Годунова», то недаром так чуткий и проницательный критик, Велеский, незадолго до смерти Лермонтова находил в нем все задатки будущего великого драматурга. Как и в Пушкине, в Лермонтове поражает огромный размах его творческой эволюции. От романтизма ранних стихов и поэмы, от сосредоточенного субъективизма «Миряе» и «Демона» Лермонтов приходит к широкому реализму показу людей и событий, к большим эпическим подвигам, к поэме «Салтанчикова» и «Герое нашего времени». Он, как и Пушкин, с одинаковым совершенством владеет всеми струнами словесного мастерства: от воздушничества, где слово почти растворено в музыке, лирических мелодий до отягощенного всей строгостью и злостью праведного гражданского негодования «железного стиха», который он «бросал в лицо» своим современникам.

Насильная близость Лермонтова и Пушкина обуславлила сходство их литературного пути, обусловила она и тесную связь, которая существует между творчеством Лермонтова и великим творческим опытом его старшего современника.

Связь эта с самого начала ощущалась если не всеми, то во всяком случае, наиболее чуткими и проницательными из критиков Лермонтова. Для них Лермонтов явился непосредственным продолжателем творчества Пушкина. «Мы смотрели на него, как на преемника Пушкина», — заявила Велеский. Один из критиков, современников Пушкина, назвал его «следствием Жуковского». Пушкин замечал по отношению к Лермонтову, что «он не следствие, а ученик его». Лермонтов был и учеником и «следствием» Пушкина — следствием, которое, в свою очередь, явилось пречистой новых великих литературных следствий.

В годы своего литературного ученичества (1828—1835) Лермонтов учился у весьма многих своих предшественников и современников, и русских и западноевропейских. Однако не только самые ранние, но и самые ярые, самые впечатляющие уроки жизни от творчества Пушкина. Сперва уроки эти были чем-то вроде упражнений в поэтической орфографии: тринадцатилетний Лермонтов старательно перешагивал в один из своих ранних стихов вес «Бахчисарайский фонтан» Пушкина. От простого переписывания пушкинских стихов Лермонтов скоро переходит к их поэтическому «переложению», следовательно, уже Лермонтов пишет поэму «Кавказский пленник». Это весьма близкий переклад одной из поэмы Пушкина, в которой вставлены целые куски пушкинского текста.

В 1829 году Лермонтов впервые επιχειрует написать пушкинские «Шаги в дубрето» по опере «Разбойники» содержание ряда поэм Лермонтова 1828—1829 годов («Борсар», «Преступление») восходит к пушкинским «Братьям разбойникам». Некогда Пушкин «на вольных» воспроизводит фебулу «Бахчисарайского фонтана». Стихотворения Пушкина «Демон», «Ангел» и ряд других послужили для Лермонтова толчком к созданию «Демона», первая селадика которого относится к тому же, 1829 году.

В эти же годы Лермонтов усладенно знакомится (в оригиналах) с произведениями западноевропейской литературы, в особенности с творчеством Байрона. В 1830 году самому Лер-

монтову начинает казаться, что он уже вылез от русской литературы, в первую очередь от Пушкина, все, что она могла ему дать. Периодом близости Лермонтова у Пушкина, действительно, заканчивается.

Для творческого развития Лермонтова это ученичество имело исключительное значение. Поэзия Пушкина явилась для Лермонтова школой высшего художественного мастерства; в этой школе, сперва попросту копируя великие образцы, затем заимствуя с пушкинской манеры готовые краски для первых поэм, Лермонтов сумел овладеть поэтическим языком и стихом, искусством построения образа, мастерством композиции.

В этот период Пушкин для Лермонтова — пророком и автор южных романтических поэм. Но помы Пушкина кажутся Лермонтову недостаточно романтическими. В своих переработках он до предела гонимет романтический элемент. Так например, он перерабатывает своего «Кавказского пленника» не по Пушкину, а по «Абидосской невесте» Байрона в период И. Колозова — убийством пленника отомщением, самобытностью черешенки и озабоченной убийца-отца.

Воздействие творчества Пушкина возобладает с новой силой в один из самых критических моментов идейно-художественного развития Лермонтова — в первую поэму о романтизме как «поэзии действительности» (1833—1837 годы). «Евгений Онегин» становится для Лермонтова в этот период своего рода поэмой «романа» в стихах, принимающей разнообразные виды. В «Кавказские» поэт замечательно овладевает онегинской формой. В незаконченном «Сатме» он пытается реализовать свой давний замысел — дать в «романе в стихах» русский образ «современного человека». Наконец, в «Герое нашего времени» Лермонтов воплощает в образе Печорина Евгения Онегина 30-х годов.

В «Печорин» — не только «младший брат Онегина», но и своеобразная эволюция «современного человека», которому в творчестве Пушкина был вынесен достаточно суровый приговор. В творчестве Лермонтова Печорин от читателя отрицательных свойств Печорина его эгоизма, душевной опустошенности, бессилия плодотворно использовать те «силы неотбитые», которыми он наделен от природы, но вместе с тем он сообщает образу Печорина черты подлинного героя.

Неразрывно связана с творчеством Пушкина и судьба лермонтовской лирики. Подобно тому как образ Печорина Лермонтов по-своему продолжает, развивая образ Онегина, в ряде его стихов продолжает и развивается пальмы и мотивы пушкинской поэзии («Три пальмы», «Их подражание Корнелю», «Пророк» Лермонтова и одноименное стихотворение Пушкина, и т. д.). Однако Лермонтов давал образ лирики Пушкина своеобразное истолкование, часто прямо противоположное пушкинскому. В пушкинском «Слове о полку Игореве» любовь и обиды еще перешагивают дрожью страсти времени императора Александра» (Гречина, т. II) — струна бодрого оптимизма, растолкованных надежд эпохи перед декабристским разгромом. Лермонтов сознательно или бессознательно настойчиво и упорно подмозмивает с этими настроениями Пушкина. Нередко эта полемика идет в открытую. Лермонтов берет пушкинские поэтические формулы, но обрабатывает их прямо противоположной строну, пушкинскому «да» противопоставляет твердое и решительное «нет», «Гдежу вперед я без боязни», — заявляет Пушкин в известных «Стаях» 1826 года. Силку на будущую судьбу Лермонтов отвечает Лермонтов в стихотворении, написанном десять лет спустя, в год смерти Пушкина. «Не все я в тебе вневидел, не все я в мире презрел, не все твою думу, не все твои дела, что пред собой он видел, он презрел иль не навидел», — пишет Лермонтов о своем демоне и т. д.

Возрастающим аккордом этой своеобразной полемики является стихотворение Лермонтова «Пророк». Пушкинский «Пророк» заканчивается призывом к поэту-пророку «глаголом жечь сердца людей». Лермонтов начинает свое сти-

хотворение как раз с того момента, на котором закончил его Пушкин, и показывает, что вышло из попытки пролевать вышней высоте те же образы, которые заимствованы из каменных пророку ничего не остается, как «сплыть в пелом главу» и снова «обжесть» в тот «пустыню», из которой вывел его Пушкин. «Пророк» Пушкина и Лермонтова это две попытки выразить художественно идею периода нашего исторического развития, между которыми лет разгром декабристов.

3

В творческом облике Лермонтова есть еще одна исключительная важная черта, которая делает его замечательно близким Пушкину. Черта эта — влечение к народному творчеству.

Это влечение сказывается у Лермонтова с ранних лет. В пятнадцатилетнем возрасте Лермонтов замечает двенадцати летнему уже нечего заманивать на русской литературе, и тут же он прибавляет: «Однако же, если захочу впасть в поэзию народную, то верно нигде больше ее не буду искать, как в русском языке». В это время Лермонтов уже имеет манука немка, а не русский, — и не слышал, сказок народных: — в их, верно, больше поэзии, чем во всей французской словесности». После этого Лермонтов пишет, что ему уже не писал в одном из своих писем из михайловской ссылки Пушкин: «Вечером слушаю сказки — и вознаграждаю им недостаток прожитого своего восприятия. Что за предель эти сказки Кавказа!»

Интерес Лермонтова к народной поэзии сказывается то в записи замечательной народной песни о татарском полове, то в литературной обработке фольклорных мотивов, но с особенной силой увлечение Лермонтова народным творчеством проявляется в 1837 году в «Песне о купце Калашникове». И это, думается, не случайно. «Песня» пишется на Кавказе, куда Лермонтов едет в 1837 году в сопровождении Пушкина. Калашников задает жертвой правдоу мнения за честь жены, оскорбленную одним из царских приспешников. Вряд ли можно видеть в «Песне» Лермонтова какое-либо семейная форма Пушкина (попытка такого истолкования была), но почти несомненно, что именно эта драма, закончившаяся гибелью поэта, воскресла в памяти Лермонтова случай одной патриархальной косовской купеческой семье (по свидетельству современника, именно этот случай, имевший место в студенческие годы Лермонтова, лег в основу сюжета «Песни»). Лермонтов сюжет этот обрабатывает в подлинно народном духе: на материале и в форме народного эпоса. Образ купца, мстителя за свою семейную беду и обиду, вырастает в могучий народный характер, обрабатывает черты национального героя.

В год своей смерти Лермонтов пишет одно из замечательнейших своих творений — стихотворение «Родина». В этом стихотворении горючие и возмущенные чувства Лермонтова, озабоченные стесненными просторами, колыхаемые безбрежными лесом, разливами рек, подобных морям. Стихи дышат любовью к народу и его бату, любовью к родной земле, к родному краю. Творческое внимание Лермонтова привлечено в это время не только к калашинскому трезов и бую» Печорину, но и к противопоставлению ему образу другого героя — простого и доброго Максима Максимича.

Очевидно, что в творческой эволюции Лермонтова намечался некий новый и весьма важный этап, обрванный его внезапной гибелью. Судя по всему, обрванный не только в «своем» и в «общем» окружении, но и в общественной среде — поэт, как и его пророк, не находил ни отклика, ни отдалу. Утолить его боли и обиды, помочь ему преодолеть тяжесть этой судьбы, которую, по слуху Герцена, он был осужден «зачать» — могло прикосновение к земле, к народу. И Лермонтов вновь становится на этот путь. Тем знаменательнее, что и этот путь, огаарая для Лермонтова и в жизни поэта Пушкина. А в этот период пронозвел десять годов ранее, на рубеже тридцатых годов, и в сознании Пушкина. В знаменитых строках «Странствии Онегина» Пушкин говорит о том, что он «вспомнил, к «серьезной» природе родной русской равнины, к родному народному быту. И Пушкин от образа того «странного путика» — российского

«демона» и «Мельмота», — который шел с ним бок о бок в течение всех двадцатых годов, — обратился к другим героям: Белкиным, Мироновым. Не случайно сходство не только в общем колорите, но и в отдельных подробностях между дерюмовской «Родной» и указанным местом из «Странствия Онегина». Не случайно сходство между командантом казавской шестки штабс-капитаном Максимом Байкасиным у Лермонтова и героями «Капитанской дочки» — командантом Белогорской крепости капитаном Иваном Кузьмичем Мироновым, вышедшим в офицеры из солдатских детей, и его младшим товарищем, кривым поручиком Иваном Игнатьевичем.

И дело тут не в литературном подражании. Созданные Пушкиным характеры «необразованные и простые люди», «сильные в одобрении и мужестве и без всякой аффектации умереть за то, что они считают своим долгом, помогли Лермонтову выбрать из окружающей его действительности штрихи и краски для создания замечательного типического образа такого же рядового, незаметного героя — доброго и простого штабс-капитана казавской «шестки».

4.

Отношение лермонтовского творчества к творчеству Пушкина издавна привлекало к себе внимание критиков и литературоведов. Брошенные в глаза сходство ряда произведений Лермонтова с произведениями Пушкина привело некоторых критиков к мысли о неоригинальности, подражательности Лермонтова. Особенно крайнюю позицию занял в этом отношении критик шестидесятых годов Варфоломей Зайцев. Он утверждал в своей статье о Лермонтове, что произведения последнего являются «рабскими подражаниями» Пушкину, «так что нужно иметь даже громадную память, чтобы запомнить, что именно принадлежит ему и что Пушкину». Утверждение это, конечно, чудовищно несправедливо. Другие литературоведы чаще всего ограничивались признанием сильного «вливания» Пушкина на лермонтовское творчество. При этом большинство исследователей утверждало, что творчество Пушкина имело значение для Лермонтова только в первый, ранний период его деятельности; в дальнейшем же Лермонтов отходит от Пушкина («к линии Жуковского и его последователей» (В. Эйтс в сб. 6 а у м)). На самом деле Пушкин имел огромное значение для Лермонтова на протяжении всего его творчества, причем в последние годы жизни Лермонтова значение это не только не уменьшилось, но еще увеличилось.

Белинский сравнивал Пушкина с морем, принявшим в себя воду всех рек и ручейков, включившим в себя все великое и малое явления предшествующей нашей литературы. Лермонтов имел перед собой не только реки и ручейки: перед ним несомненно раскинулось безбрежное пушкинское море. В творчестве Лермонтова, как и в творчестве Пушкина, можно открыть следы самых разнообразных «вливаний», замшванных и реминисценций; однако основной движущей силой был для него мощный, неиссякаемый поток пушкинского творчества. Лермонтов продолжает далее решение тех исторических задач, которые были осознаны и для своего времени разрешены Пушкиным; воплощение в русской литературе своеобразного романтизма в его байроническом облачении; создание «эпопеи действительности» — великой реалистической литературы; обращение литературы к сокровищнице народного творчества; художественное воплощение современности в образе центрального, типического лица эпохи; создание лирики, расцветшей всеми красками, пронизанной всеми голосами жизни, откликающейся на все запросы современности; создание художественной прозы. Общественно-историческая близость Лермонтова к Пушкину обусловила в основных чертах сходство их идейно-художественной эволюции. Художественно-творческий сдвиг Пушкина, первым преодолевшего эту волюцию, оказывается для Лермонтова могучим подспорьем на его собственном творческом пути. В самые критические моменты этого пути Лермонтов неизменно обращается за творческим содействием к Пушкину, обретая в нем новые указания, новые силы, новые импульсы для создания своих собственных гениальных художественных произведений.

Коста Хетагуров

В октябре 1939 года исполняется 80 лет со дня рождения Коста Хетагурова—осетинского писателя-революционера, основоположника осетинской литературы и осетинского литературного искусства. Сосветского происхождения и талантливого художника-живописца. Коста Хетагуров был первым последователем русских революционных демократов Чернышевского и Добролюбова, борном за освобождение народов Кавказа. Творчество Коста глубочайшими корнями связано с жизнью осетинского народа. В сборнике стихотворений «Ирон Фандыр» («Осетинская лира») Коста Хетагуров и патристичной силой выразил горе своего народа, доведенного до изоморфия и пытки иници русским самодержавием и местными аллагами, его ненависть и угнетенность и мечты об освобождении.

Первое издательство постоянно преедседает Коста Хетагурова.

Великий осетинский поэт окончил в 1906 сельское, плавил от любовной родины, в 1906 году. Он перебрел во Владикавказ (теперь город Орджоникидзе, столица Северо-Осетинской автономной республики). Похороны Коста выдвинул в огромную демонстрацию, за его гробом шли тысячи горцев и русских. В наши дни освобожденный осетинский народ вместе со всеми народами Северного Кавказа чувствует память человека, который всю жизнь посвятил борьбе за свободу и возрождение своей родины.

МАТЬ СИРОТ

Замерзает ворон...
Все покрыто мглой...
Спит за косогором
Нар-аул глухой...

Полночь — извальные
От зобот и бел...
На краю селения
Виден скудный свет.
Никому неуязвим,
Старый халк стоит.
Кто же ночью вьюжной
В том хлеву не спит?

Там, поля зобаты,
Квишши одна.
Долго варит что-то
В котелке она.

Всклинула, дети
Смотрят на очаг.
Руки их, что плети.
Кто в травле, кто наг.
— Ну не плачьте, крошки,—
Утешает мать,—
Вот бобы немножко

Надо помянуть...
Можжевательн тлест,
Дымом ест глаза...
В котелок, робей,
Падает слеза.

—Ох, кормилец! Знад он,
Как нас обманути:
Сгнул под обвалом —
Придавил нам грудь.

Патерых оставил
На погребле мне.
Сердце окровавил
Ты своей жене!

Оказался, милый,
Ты меня уней!
Убежал в могилу
От своих детей.

Не теби ли ищет,
Ждет любимец твой?
Где твое жилище?
Лечь бы нам с тобой!..

В котелок, робей,
Падает слеза.
Можжевательн тлест,
Дымом ест глаза,
Утомясь от плача,

Коста Хетагуров в студенческие годы.

На полу, в золе,
Спит уж самый младший,
Лучший на земле.
Долго ли осталось,
Чтоб другим уснуть?
Голод и усталость
Свой продолжает путь...
— Мама, ну? Готово ль?
Дав ли им постель?
— Погодите! Воволь
Тут похлебке ест!..
Котелок вскипает...
— Скоро, скоро дан!

...Тихо засыпает
Дети по углам.
На полу голыши
Постельки маты,
Их трепанье негодным
Стаза укрывает
Сна их не наруша,
К младшему летела
И насыпала дуну
Плачем не могла:
Им бобы сушила,
Беззлая, в тоске,
А сама варила
Камня в котелке.

Перевел с осетинского
Александр Шпирт

ЗАВЕЩАНИЕ

Прости, если только рыдания
Услышишь ты в песне моей:
Чье сердце не знает страдания,
Ты может и зпеть веселый.
Но если бы родиле милый
Мне долбо опалить доловель,
Я песни не пел бы унылой,
И в галосе не было б слез.

Перевел с осетинского
Павел Панченко

Несколько дней назад мы не в шутку поговорили с Пал Палчыцым Коушкыным. Ребята говорят, что погорельцы охотно напишут за два пустика обедов друга. Пустик это или не пустик, но ежеси бы вы видели, каким удивительным изломом поглядела на нас Маринка в свой последний просмотр на Мухомой Божий мы знали, сколько жестких слов стелело с ее языка по нашему адресу, то вам точно стало бы не по себе.

Я, конечно, вскинул, не сдержавшись, наговорил Пал Палчыц всяких переустраивал ли? Не приди да поспорился с приятелем?

Павел Коушкын, так же как и я,— по натуре своей довольно мелочлив. Оба мы любим бродничать. Не успеет весеннее солнце хорошо согреть землю, как у нас в комнате начинаются приговорения к очередному путешествию. К коню маю приготовления заканчивались, мы оформили отпуск (месяц очередной) да две недели за свой счет, аскадывали за лачи дорожные котомки — и на вокзал.

Были мы с Павлом за эти годы в разных местах. Бродили по Алтаю, ездили в Среднюю Азию до Самарканда смотреть, где похоронены великий завоеватель Тимурла, ходили на вахонку по Аму-Дарье до самой афганской границы. Видели мы с Павлом, как Эльзана Ереван ученые производят раскопки древнейшей столицы Армении — города Двин. А прощлой весной ездили мы поглотавату. Хотелось нам посмотреть на места, где Петр Первый разгромил шведские войска. Приехали, обомли русскую, затем шведскую сторону и выяснили, что совсем рядом с этими местами находится котубеевский лес. А в этом лесу сохранился дуб, у которого будто бы гетман Мазепа устраивал тайные свидания с красавицей Марией. Прошли мы с Павлом этот исторический лес, осмотрели дуб и выяснили, куда бы мы думали? К самой Диканьке. Шутка ли сказать, мы ходили по той самой земле, где жил когда-то казак. Левако со своей воловобной Галей. Может быть, между этими самыми хатами будущего и нынешнего. В эту чудесную майскую ночь, которую звали гений Голая, может быть, в том самом озере, что стоит сейчас посредине Диканьки, с встретившимися тлавкунами вербями по берегам, утонула несчастная паночка.

В общем мы с Павлом проसидели на холме, разгадывая чудесную, сказочную Диканьку, до самого вечера. Сидела молча, только взреда переклидывалась волосами.

— А поминиш ли ты кузена Вакалу? — спрашивает Павел. — А Хиря?

— А Голубу? — говорю я. — Вспомни, как этот старый повец пытался отнять несвету у своего собственного сына!

Над Диканькой заглянул перламутр звездочка. Надо было думать о нолгесе, а мы спустились в село. У хаты с голубыми ставнями была сделана попытка тайно приставить. На стук вышла девушка. Это была Маринка, та самая девушка, по милости которой мы сейчас не разговариваем с Павлом. Не знаю, почему то ли под впечатлением рассказа Голая, то ли из-за ее собственных достоинств, — но в тот вечер Маринка произвела на меня совершенно неотразимое впечатление. Высокая, с чуть задорными карими глазами, в вышитой широкой рубашке, с раззолоченными лямками

на голоросе, ну, словом, вылитая Параска из «Сорочинской ярмарки».

— Вам что? — спросила она, с интересом оглядывая две усталые незамоком фигуры.

— Разрешите спорокать ночь у вас на сеновале, — сказала Павлу Командирюченко?

— Нет, турсты.

— Мы путешествуем для своего удовольствия, — добавил я, не сводя глаз с девушки. — Как вам же нам спать на сеновале? — удивилась девушка. — В Диканьке имеется готель для приезжающих. Там кровати, чистое белье.

Но мне уже не хотелось думать ни о кровати ни о чистом белье.

— Да пусть он пропадет пропадом, этот самый готель. Я никогда не уйду от этой хаты с голубыми ставнями, в которой живет такая чудесная девушка! — думаю я.

Павел тоже глядит на девушку влюбленными глазами, и в слышу, как он говорит ей умоляющим голосом:

— Мы не знаем села, заблудились! Разрешите нам остаться на сеновале.

— Ну девушка не понимает нас и кричит кому-то в саду:

— Эй, Грип, проводи дядек до готеля. Грип, на свои свисте, оказывается держим, упрямим мальчишкой. Он не хочет провожать дядек и кричит своей свесте из-за забора, чтобы она не придумывала для него работы, которая таскается вечерами по чужим хатам.

Девушка краснеет за брата и сама берется проводить нас до готеля.

Мы идем с Павлом по Диканьке и прытчим себе ноги от досады. Маринка не шебашеае крынотелом и сплетен держится на тысячеконном расстоянии от нас.

— Ну ничего, — говорю я тихо пригнувшему Пал Палчыц, стараясь хоть как-нибудь обидеть и его и себя. — В готеле наверняка не будет свободных номеров, и мы еще вернемся с тобой обратно к сеновалу.

— Фу-ты, опять сеновал! — пренебрежительно фыркает Маринка, не оборачиваясь даже в нашу сторону. — Да разве диканьские колокольники — жареные или иные люди, чтобы класть своих гостей по сараям? У вас, даже для коров каминные хосты понастроятся.

Видели вы бы, как вежливо доложил, добавлено говорит она и, вежливо пожелав, добавлено: — Не будет свободных номеров в готеле, мы голову колохоза найдем, а готель своим устроим как надо.

Но голову колохоза не пришлось бесковать: в диканьском готеле было всего два номера, и оба, как на зло, оказались свободными.

В общем судьба нашего туристского похода к местам полтавского боя была решена, и мы, забыв и о нежках своего похода и о складочных степях бродничковской натуры, провели весь отпуск в Диканьке.

Ах, какое чудное место — Диканька! Сколько здесь замечательных садов, рощ, полей! А какие тут живут удивительные рукодельницы! Видели вы бы, как искусство вышивают они платки, сорочки, полотенца, платки! Вышивают гладью, крестиком, в строчку! И лучше, чем вышивальщицы была, конечно, Маринка. Мы с Павлом ходили раз десять в день под вечер, проделывая мимо себя мастерскую, где трудилась девушка над своими рубашками и сорочками, и слушали их прекрасные песни. А на песни они были такими же искусными, как и на рукоделье. Вообще не только Диканька, а

вся Полтавщина издреле славится своими песнями. Что здесь умели петь вдовхоненно и красиво, свидетельствуют нам и Тоголь, и Королево, и Горький. А Мухомой Иланчик ждал на Полтавщину вербовать певчих для стольничего императорского театра. Композитор переделывал в простое пядье и ходил тайком к простым народе, чтобы послушать, не слышит ли народ, настоящие украинские песни. Под впечатлением этих песен Глинка написал знаменитый марш Черномора к опере «Руслан и Людмила» и несколько замечательных романсов.

Но на Полтавщине здорово пели не только прежде. Я думаю, там еще лучше поют теперь. Правда, я не такой большой знаток музыки, чтобы можно было без предвзятой веры утверждать. Но свет, слава Богу, не сошелся клямом на моей особе. Павел Коушкын, человек с более тонким слухом и вкусом, и тот не мог бы отказаться слушать эти чудесные песни.

Девчата пели хорошо, однако, скажем прямо, не все мелодии выводили они с одиановым искусством. Народные песни либо в изде, во всех случаях импортированные прямо-таки бесподобно, но столько только девушкам заботу о произведении современных композиторов, как начинался сумбур. Знакомые мелодии коперельности — слыде все возмущались Пал Палчыц и правды никак не мог понять, каким образом девчата, обладая замечательным исполнительным слухом, могут так грубо перенарить простые мелодии.

Я парич отключился довольно просто: у девчат не было нот, они знакомилась с нотами мелодию по радио. Маринка записывала слова, а захочет гармонист, обосновываясь тогда два назад в Диканьском доме культуры, подобно и не молчала. Подбирала форте пиано, флюдо. Но поправить его было довольно трудно, ибо радиопродуктор работал в Диканьке с шипом и хрипом и уточнить мотия не представлялось.

Мы пели вместе с девчатами. Вернее, по могад они Павел, а я, как говорится, только присутствовал при этом. Каждый вечер перед спевкой девчата заходили за нами в готель, и мы шли в Дом культуры. Павел садился за рояль, аккомпанировал шипом и устранился где-нибудь в углу и смотрел на Маринку.

Так незаметно прошла весна. Срок нашего отпуска подошел к концу, и мы собрались в обратный путь. Разставание с Диканькой было довольно грустным. Я печалился потому, что успел привязаться к Маринке. Мария в свою очередь грустила из-за Павла. А из-за чего печалась Павел, я и сам теперь не помню.

Процался я кочубеевского дуба со своими новыми друзьями, мы дали слово не забывать друг друга, а Павел даже обещал Маринке вить вроде как какое-то денежное вкладчиков, диканьским хором и сблизится его из Москвы нотными новизнами.

Девчата прямо расценили от этого обещания, а Мария в благодарность так тепло уловила Павелу, что мне сделалось как-то не по себе. Но вот пошел август. Выбрался шебашевор и сирдал от нас Диканьку за большим обломом дорожной пыли.

— Эй, Параска, Параска! — сказал я, думая о Маринке.

Павел, очевидно, был под таким же сильным впечатлением от Диканьки, как и я. Но от этих впечатлений у моего друга, к сожалению, хватало ненадолго.

Первое письмо из Диканьки, которое пришло в нашу комнату, было адресовано: «И собственнику руке Павла Павловича Коушкына». В этом письме было всего десять строк.

В девяти Маринка писала о своих подругах, а в десятой очень тактично напоминала Павлу о ноге.

— Ты не выполнял своего обещания? — удивленно спросила я.

— Никак не выберусь в магазин, — ответил Павел. — Придется в выходящий заняться этим делом.

Через месяц мы получили еще одно письмо, и счастливый Павел напомнил Павлу Павловичу об обещании.

— Как, разве воды еще не посланы? — Ну, ну, не волнуйся, — начал успокаивать меня Павел. — В этот выходной я обязательно поеду в магазин.

И бы, конечно, мог денег послать воды в Диканьку и сам, но не сделал этого. Павел нравился девчатам больше чем я. Мне это было известно лучше чем кому-либо другому, и я понимал, что Маринка должна была получить воды именно от Павла, а не от кого-то другого.

Но, увы, и в этот и в следующий выходной Павел ходил не по лугам магазинам, а играл в теннис с сестрой Вольгодом Малюгиным. У Павла было иное увлечение. Мария его теперь попросту не интересовала. Однако все это насколько не оправдало поведения моего друга, и очень скоро — по получении третьего письма из Диканьки — выяснилось, что Павел снова разгорелся спор. Спорили мы уже теперь не о водах, а о честности.

Я пытался напомнить Павлу тот романтический мессаж, который мы проводили в Диканьке, с тиньды его. Аргументировал Гоголем, Короленью, Горьким, Глинкой, в общем призывал себе на помощь всех тех, кто бродил когда-то в окрестностях Диканьки. Но Павел не хотел понять меня.

— О каком честном слове ты толкуешь? — возмущался он. — Благо бы я обещал девчатам что-либо серьезное, а то ведь речь идет о сущей мелочи, о трескокаменных водах! — Кто верит в мелочах, тому трудно верить и в большем.

— Ерунда! В тебе говорит не обетный судья, — сказал он мне, — а неудачный кандидат.

Я выступил: Павел конулся самого большого места. Ну, хорошо, предположим, ревность повинула на мою горячность, и ежи бы Павел, скажем себе, у трескокаменных, а кого-либо другого, то я, быть может, даже не обратил бы на этот обмен внимания. Ну, не слдержал своего слова паренек, и не надо, велика ли беда!

Но, сней, чезавую, какие обстоятельства вызвали во мне протест: личные или не личные. Маринка искренно привязалась к Павлу, верила ему. Мой друг своим видом извещал, что Диканька раба, сердце девушки как-то чужасть, создав взаимно дружбу, а что же получилось в результате? Правда, Павел не сделал никакого преступления, но разве это оправдывает его? Он дал слово, но есть добровольно взял на себя какие-то обязательства...

— Я дал слово, я и взял его, вот мы и кинуть, — заявил мне Павел.

— Простите! А ваше обязательство, наконец, ваша совесть, разве она никак не беспокоит вас в тех случаях, когда вы обманываете друзей, приятелей и себя?

Павел называет диканьскую историю пустяком, мелочью, а эта мелочь создала нам общую славу.

Несколько дней назад мы с Павлом были на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке и вдруг в одном из павильонов, востане головой раздумья, встретили — кто бы вы думали? Маринку! Я прямо раскис от всеобщего счастья. Лечу к ней с самым чистым сердцем, здороваясь, Маринка улыбается и говорит, обращаясь к своим спутникам:

— Димитесь, девчата, это те самые брехуны, которые приезжали к нам в Диканьку!

И даже не пытался оправдать себя в глазах Марин и отошел от украинских экскурсантов, как нашкодивший и лютый цыган. Зато в тот же вечер мы с Павлом сошлись с открытым разговор. Разговор этот был настолько серьезен, что мы до сих пор не расклинаемся друг с другом.

Брехуны! Правда, я не знал тогда, что по-украински это слово звучит не так обидно, как по-русски. Брехуны — это что-то вроде нашего трепача или балаболы.

Но, как бы мягко ни звучало это выражение, я не хочу, чтобы над моим словом висела хоть какая-нибудь тень недоверия. Я не хочу, чтобы за всей спешкой ходила слава трепача или балаболы.

Вот в связи со всеми этими обстоятельствами я и решил открыто рассказать, излагая мое, собственно, поругание с П. П. Конушкиным.

П. П. ИПОЛИТОВ.

заслуженный мастер спорта, орденосицец

ЧЕМПИОН СЕМИ ДИСТАНЦИЙ

Отправное учебчик заняли женщины. Они широко охватили на коротких, охватили руками колени. Но вот стартов поддал ахилл фляком. Спортсменка быстро выправилась и приспособилась к прыжку. Взрызг зрительской восторженности на высшей белоруской зенитовские, но сомневаться, что именная она, многократная чемпионка Кандидат Алешкина, теперь так же, как и прежде, выдлет победительницей в стометровом бассейне своего трюпа.

Однако прославившейся мастер, плавыниги с треногой потащивала на свою кичку соседу. 18-летнюю школьницу Юлию Кочеткову. Алешкина расклевывала, что эта девочка, впервые принявшая участие во всесоюзном первенстве, обладает недюжинным спортивным талантом.

— Марш! — отрывисто провозгласил и в воду команда стартера, и все участники вылезла, разом оттолкнувшись, очутились в воде.

Всплески всех ошутливых Алешкина и Морозова. Московская школьница была третьей.

Половина дистанции пройдена. Пловцы подходят к стене бассейна. Первой дельте поворот Алешкина. Сверхурочные в пружинный комок, она сильно отталкивается от стены, и, не успев порываться Морозова. Юлия Кочеткова прыгает вперед за ними. Существует момент самой острой, напряженной борьбы. И здесь юная спортсменка помыкает себя по всем блеску. Под бурю аплодисментов она обогнала ступ на другой своей взрослой конкурентки и первой коснется ладонью стены бассейна.

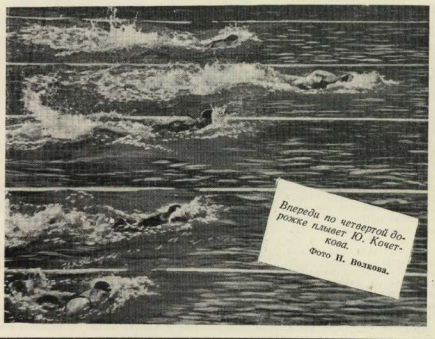
Так Юлия Кочеткова стала чемпионкой страны в самом быстром стиле плавания. Вторые в истории советского плывательского спорта звание чемпионки СССР завоевала 18-летняя девочка. Это произошло в 1938 году.

Принес год. В апреле 1939 год Алешкина и Кочеткова снова встретились на месте сильнейших пловцов в Москве. Кочеткова на этот раз не только выиграла четыре первых места, но и улучшила два всесоюзных рекорда (в плавании на 100 и 200 метров на спине), ранее принадлежавшие Алешкиной. Однако и это не было пределом юной чемпионки.

В июле 1939 года, в дни всесоюзных соревнований пловцов в Москве, она завоевала несомненно успеха, покосая себя первоклассных мастеров как спринтерских дистанций, так и стайерских заплывов. Смы ра Кочеткова участвует в финальных заплывах и семь раз одерживает победу. Кочетковой присваивают звание чемпионки СССР в семи дистанциях. На этот раз Алешкина уступила Кочетковой первенство без борьбы, отказавшись участвовать во всесоюзном турнире сильнейших пловцов. Спортивная биография Кочетковой довольно коротка. Юлия участвовала в 8-м классе 483 в пловца Таганрогского района. Осенью 1937 года она вместе со своими одноклассниками пришла в бассейн Пржевальского района в Москве сделать нормы на знамен ЦВТО. 14-летняя школьница с детства плававшая на прудках Лобортова и Измайлова, проплыла 100 метров за 1 минуту 29 секунд. Она обогнала своих противников чуть ли не на половину дистанции. Инструктор по плаванию посоветовал спешной девочке изучать технику стилей спортивного плавания. Кочеткова охотно соглашалась и занималась в спортивном обществе «ДИМ».

В течение школьные каникулы 1937 года Юлия впервые выступила в соревнованиях на детском первенстве Москвы. Она проплыла 100 метров кролем за 1 минуту 21 секунду. На всесоюзных соревнованиях пловцов в том же сезоне она устанавливает свой первый детский рекорд: проплыла 200 метров за 2 минуты 58,5 секунды. В течение года она 12 раз переплывает существующие детские рекорды.

Сейчас 16-летняя спортсменка, еще не вышедшая на младшей возрастной группы девушек в детских соревнованиях Юлия может выступать еще целый год, является самым быстрым пловцом в СССР среди женщин.

Впереди по четвертой дистанции плывет Ю. Кочеткова.
Фото И. Волкова.

Вверху: съёмка фильма «Гость на Кольском поезде». Внизу: режиссер Д. Познанский репетирует с актрисой С. Алгоетской сцену из фильма «Воздушная почта».

Кондуктор объявляет: «Потылика!»

Мы вылезли из автобуса, пассажиры небольшое поле и... попадаем в древнерусский город. Горбатыя бревенчатая мостовая, узкие улочки. За зубатыми настоками боарские терема с узорчатыми крышами. Здесь же, рядом, ярмарочные, неуклюжие лавки. Вдали белеют стены Китай-города.

Это улица Сретенка, какой она была 328 лет назад.

Меньше чем в месяц рабочие и художники киностудии «Мосфильм» создали эту сложнейшую декорацию. Сегодня начинаются съёмки одного из эпизодов нового художественно-исторического фильма «Шинши и Пожарский». Этот фильм рассказывает о том, как в 1611 году русский народ наголову разбил польских захватчиков, постигнувших на священной русской земле.

Древнюю Сретенку заволают сотни вооруженных людей в старинных кафтанах, стальных кольчугах, грубых серижах. Беспорядочная толпа разбивается на отдельные группы по 20—30 человек в каждой. Ассистенты и помощники режиссера разбивают каждую группу ее задние. Каждому человеку в отдельности показывают, где он должен пройти, где остановиться, где и как замалюются топором и ринуться вперед.

Так проходит несколько часов. Наступает решающий момент...

— Препитовались к с'емке! — командует а рупор режиссер-орденоносец В. Пудовкин. Участники с'емки занимают исходные места. Пудовкин подает знаменитому оператору А. Головину.

— Пошли! — разнесится по полю значный голос, и Головин включает мотор аппарата.

Мгновение — и в мигрово тишину Сретенки врывается толпа воинов с оружием. Вдали показались бурная человеческая лава: это москвичи во главе со своим вождём Дмитрием Пожарским. А вот и враг... Со стороны Китай-города во весь дух несет польская конница. Сверху на солнце бросает латы легионеров. Храпит кони, завывает вперед толпу, осыпавшаяся дротиками.

— Быстрее! Быстрее! — командует с вышки Пудовкин.

Еще момент — и противники встречаются лоб в лоб. На тесной улице разгорается ожесточенное сражение. Гремят выстрелы, врешалы, завывает топоры и мечи, летят дубинки. Звонятся

с ружонданный бой. Вот русский воин, видевшийся сзади в легионера, стаскивает его с коня. Храбрый вождьен Пожарский раскинет во все стороны удары меча.

— Стоп! Спасибо, товарищи, кадр отстает... объявляет Головин.

Первый кадр заснят. Но, чтобы смотировать «Сретенский бой», надо снять много десятков подобных кадров, снятых сверху, снизу, в лоб, сбоку. При этом аппарат должен то отодвигаться, то приближаться к снимаемому объекту (так называемые общие, средние и крупные планы). Режиссерский сценарий содержит последовательный перечень всех кадров. Длина каждого кадра точно указана в сценарии (она бывает от 3 до 10 метров). Каждый кадр сценария имеет свой номер, тот же номер получает соответствующий ему заснятый кадр фильма. После с'емки производится монтаж картин. Отдельные кадры подберируются и подкладываются в порядке номеров.

Недавно в Москву приезжал казачий хор с Дона. Казаков пригласили в киностудию. Гости ходили, все рассматривали, а как замечали вдали длинную улицу, десятки мазаных известкой домов, низенькие плетни, ахуади: «Так ведь это же наша станция!» Какому же даже показало, что на пригорке виднеется его баз. Но, войдя в станцию, казаки пошутили шутки ружами плетни и убежились, что они единственно. Зайдя на дворники, гости увидели, что дома-то трехэтажные, наспех сколоченные на тонких досках и фанерах. Вся станция — это только декорация, выстроенная для с'емок фильма «Подвигая целина», который делается на материале известного одноименного романа писателя-орденоносца М. Шолохова.

Сейчас идет подготовка к с'емке массового эпизода «Первый колхозный день «Гремячего лога». Художник гримеры и костюмеры, посланы чуть ли не в десятки мест. У кого-то отклеилась борода, кому-то шапка на нос с'езжает. Режиссер обходит участников с'емки, проверит, все ли в порядке.

— Пети! — кричит режиссер Райзанн костюмеру. — Почему этот человек в латках? Где это вы видели, чтобы в наше время казаки ходили в латках?

Опозноность быстро исправляется: сапожники обшуют в яловочные сапоги.

По сигналу режиссера станция оживает. Выходят люди и каков на улицу Комарат Майданников (эту роль исполняет артист Хоаниский). Бедняк Любимкин тайно тоскует королю. Подлетает Атамаников с биссам. Увиден на лице Майданникова свежую парану, он насмешливо кричит:

— Эй, Кондрат, кто это тебя шкряблует?

— Бья-вертика... — невольно буркает Кондрат. — За корону пошла в наступ. Не хотит отдавать в колхоз.

— Стоп! Стоп! — внезапно раздается аволюционный голос звукооператора. — Надо снова начитывать.

Оканывает, один из быков Атаманикова так горко заревел, что заглушил голоса артистов. Звуковая запись испорчена. Приходится все начинать сначала.

Синхронная с'емка (когда на пленку одновременно записывается звук и снимается изображение) очень сложна. Для того чтобы звукозаписывающий аппарат удалять и часто записывал на пленку голоса артистов, нужна полная изоляция от посторонних звуков и шумов. Случайно появившийся издалека гул мотора самолета или паровозный гудок безнадёжно губит звуковую дорожку. Поэтому еще накануне (то есть при с'емке не в ателье, а на открытом воздухе) часто применяется «последующая тонировка». Ателье искусственно подает звук на который проецируется световое ранее немое изображение. Стараясь, чтобы их зреть точно совпадали с движением действующих лиц на экране, актеры в нужные моменты произносят перед микрофоном соответствующие фразы.

В просветном зале кинотеатра за час до начала занятия сегом тайги. Но вступает буря. Высоко вверх уходят вершины елей, покрытых белыми хлопьями. Между деревьями, на снегу, самолёт. По плоской поверхности долува в ватном комбинезоне, меховых унтах и телом шляпе. Это Настя Королева, героиня нового фильма «Чудесная почта». Ей пришлось совершить вынужденную посадку в тайге. Визуально показывается высота ста. Лесца молниеносно сокращается с трехметровой высоты, налету выхватывает самолет, стрелает раз, другой, третий... Один из воюев падает. На секунду стая замрет. Девушка бросается к кабине самолета. Вот уже ее достигают разъяренные ста. Но летчица успевает захлопнуть дверцу машины. Воюевы пролетают мимо самолета, потом начинают рыать три кубитого своего товарища. Небольшие содержания этого уютного зрелища. В зале вспыхивает свет.

Допольный произведенным эффектом, режиссер Д. Познанский раскачивает:

— Эту сцену мы снимали позавчера на Ленинградском шоссе. Но как же в такую жару — в ядуз зиме?

— Сделали зиму. Правда, белая Альтовской, играющей роль Насти, пришлось помыться. Мы все ходили в легках комбинезонах, налетях на голое тело, а она парилась в своем зимнем одеянии. А то касается зимы, то все очень просто. Навили большой пухляк и сатинировали его под тайгу. Сосны и ели привезли из подмосковного леса. Самолет мы одожили в аэропорте. Снежной покров на землю устроили из чистого белого песка. Тайгу чуть присыпали бертолетовой солью. Снежные шапки—это комья обоженой ваты. А сволочь стазом нам отгадно пообразили девять чудесных, умных оварков. Чтобы сделать пугу, мы припасли мощные ветровки, который развел по воздуху тучи муш, перемешанной с мелкими древесными опилками.

«ЧУДЕСА» СЕМОК

Не всегда в кино прибегают к постройке горнозладек, дорожностных декораций. «Комбинированные» метода с'емок позволяют воспроизводить в кино сложные эпизоды, не выходя за пределы кинотеатратора.

В фильме «Мини и Пожарский» зрители увидят знаменитый московский пожар. От дома к дому побегут языки пламени. Небо озарит кровавое зарево. Пламящие угли будут теряться в облаках густого дыма. На глазах у зрителей будет рушиться поспиренные огнем дома. С высоты летящего полета вылетают Москва будет подобна гигантскому костру.

Города подожгут в студии. Но роль будет искусно изготовлен-

ный миниатюрный макет древней Москвы.

В американском фильме «Кинг-Конг» есть такая поразочный воображение эпизод. Улицы американского города. В перспективу уходит флота двух рядов небоскребов. По улице тапугат вершинный автомобиль, снуют сотни пешеходов. Обычная деловая жизнь города внезапно нарушается снежностылым происшествием. В самом конце улицы показывается огромное косматое чудовище. Оно подходит к нам все ближе и ближе, и мы знаем, что это исполинская обезьяна, ростом в десятикратный дом. Люди в паническом ужасе обращаются в бегство, а обезьяна продолжает продвигаться нити по опустевшей улице, все больше и больше вырывается в размеры, заслоняя собой небоскребы. В другом месте обезьяна показывается на крыше высочайшего небоскреба в момент, когда ее осаждают десятки полинейских самолетов. Чудовище лениво отмахивается от рожков вокруг нее в воздухе аэропланов, задевая своими огромными лапами крылья машин. Эти фантастические сцены были также созданы методом комбинированных с'емок. Отдельно обмыли пленку была снята обезьяна, по которой в нужной момент, по сигналу режиссера, толпа бросилась бежать по направлению к аппарату. Засте это крупным планом была заснята двуязычная обезьяна. Путем сложного лабораторного процесса обезьяна была «впечатана» в изображение улицы. Обыкновенная обезьяна, снятая крупным планом и сомененная в одном кадре с «улицей», снятой общим планом, на экране превратилась в гигантское животное.

В сцене с самолетами обезьяна была снята на крыше маленького макетного дома, по сравнению с которым она казалась огромной. Режиссер в воздухе самолеты снимался отдельно, а впоследствии в лаборатории оба изобра-

жения путем тонкой падожки деятельности были соменены в одном кадре.

Очень богатый с'емочную технику так называемый метод «рипроуки». По этому методу, на экран можно показать актера в какой-либо своеобразной и интересной обстановке, в которую в данный момент он не имеет возможности попасть. Допустим, что по ходу действия актера необходимо показать героя скачущим на коне по опасной, узкой тропинке, затерявшейся среди высочайших диких гор. Фильм, чтобы заснять такой кадр, надо было заснять в горуше местность сную экспедицию из 15—20 человек. «Рипроуки» значительно упрощает с'емку. В фильмотехнике (хранилище кинофильмов) всегда можно найти документальные кадры, снятые в высочайших горных местностях. В крайнем случае в горы вылетает оля оператор для зас'емки натуре. Затем с'емка переносится в павильон киностудии. За спиной актера одетого на лошади, помещается обычный экран, на который проецируются кадры горной местности. Актёр, оставаясь на месте, продолжает все движения, сопровождающие своим быстрой скачку. В это время за ним непрерывно, то замедленно, то ускоренно (это регулируется проекционным аппаратом) мелькают разнообразные картины горного пейзажа. Кинооператор снимает на одну пленку актера и движущийся за ним натурный фон. После обработки пленки получается кадр, в котором зритель увидит на экране неподвижную местность, на фоне которой скачет человек на лошади.

Больших успехов кинематограф добился в области воздушных с'емок. Недавно был выпущен фильм «Мужество», центральное место в котором занимают эпизоды, заснятые высоко над землей. Герой фильма—летчик Томлин, стрелась «вматку» находящегося на борту и

угрожающего ему оружием дельтанта, использует для этой цели оловозерительную технику высшего пилотажа. Самолет вылетает бесконечную серию перерывов через край, боек, имельманов и, наконец, идет в штык. В этот момент воздушное развертывается на фоне горных вершин Кавказского хребта.

Этот замечательный эпизод снят в Савантине, в районе Кавказского хребта. Самолет пилотировал И. Иванов. Параллельным курсом шел второй самолет, на борту которого находился оператор И. Владимиров. Самолет приходилось вести с'емку в высоте 5—6 тысяч метров. Во время с'емки кружных планов самолеты разделялись на расстояние не более 5 метров. Часто казалось, что операторские и неоступию следующие за ним самолеты с оператором неминуемо должны были столкнуться. Но оператор ни на секунду не прекращал с'емку.

В одном техническом фильме надо было показать воспламеняющуюся в воздухе и падающую на землю ракету. Для зас'емки в этой сложной воздушной обстановке был приглашен Владимир Константинович Кожкина. С'емку этого эпизода разбили на четыре эпизода.

Под фюзеляж самолета «И-5», который вел Кожкина, была смонтирована дымовая шапка. Кинооператор находился на другом самолете, пилотом которого также курсом. Включая с'емочную камеру, оператор подал знак соседнему самолету, на котором летел Владимир Константинович. Зажег шапку, и из-под фюзеляжа его машины вырвался черная туза дыма. Мигнул и повелелся влететь летчикозабрала волнение. Кожкина вылез на крыло, затем вернулся обратно в кабину. Сбегались в кабине, Кожкина, оставаясь незаметным для кинооб'екта, взялся за штурвал и совершил несколько сложнейших фигур высшего пилотажа, инстинктивно надевие самолета. Киноаппарат все это фиксировал.

Затем был снят отдельно прыжок двух парашютистов с другого самолета.

Третьим этапом была с'емка макета палящего самолета, врезающегося в землю.

И, наконец, в павильоне были сняты кружные планы В. К. Кожкина и летчик-наблюдатель.

На экран зритель увидит, как загорается в воздухе самолет, как летчики спасаются на парашютах и как горящий самолет падает на землю.

***

Фильм заснят. На монтажном столе из огромного потока разрозненных кусочков пленки рождается новое кинопроизведение. Кинорепальные фабрики размножат его в сотни экземпляров. Поезда и самолеты, озера и вершины будут повезут круглые железные коробки с новым фильмом во все уголки Советского Союза.

Оформление В. И. Урши.

Кинос'емка по способу «рипроуки».

Ответ. редактор М. Г. Гольдберг.

Ответ. секретарь редакции М. Г. Осипов.

Славо в набор 28/VIII 1939 г. Подписано к печати 17/X 1939 г. Уполномоченный Главлита № А — 18040

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24, тел. Д 3-34-24. Изд. № 931. Формат 72 X 110

с.м. 3 печ. л. 98 000 стр. в печ. л. 3. 2807. Тираж 40 000.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, улица «Правды», 24.

